ЛЕНИНГ
В ДНИ
ВОЙНЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕГ 62
В116

ФРАНЦ МЕРИНГ

EF62
B116

В ДНИ ВОЙНЫ

Перевод с немецкого

Л. Я. КРУКОВСКОЙ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ФРАНЦ МЕРИНГ

В ДНИ ВОЙНЫ

Перевод с немецкого

Л. Я. КРУКОВСКОЙ

1 ЭКЗ.

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
84
К.

Содержание.

	стр.
Клара Цеткин-Цундель	3
«Парламентаризация»	6
К четвертой годовщине войны	13
Третья эра	16
Призывы к примирению	20
Папство и мировая война	23
Страна диковин	27
Комедия против комедии	31
Дипломатические дела	35
Требование времени	38
Рассеянные и фаланга	41
Трагедия или неразумие?	45
Немецкая бюрократия	51
Новый 1918 год	47
О милитаризме	53

ЕГ62
В116 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)

1926
21
206768
У

Р. В. Ц. Петербург

Гиз. № 834 Отпечатано 15.000 экз.

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

Клара Цеткин-Цундель

(8 июля 1917 г.)

Что ни подлипало, то саксонец [1]) (Ein Gleissner, ein Meissner)! Так говорили встарь в священной римской империи германской нации. Злая поговорка имела целью высмеять вкрадчивую, вежливую, уступчивую повадку верхнесаксонского племени, однако, даже как насмешка, она была вполне подходящей. Ибо Саксония издавна умела выдвинуть на-ряду со всяким Геллертом — Лессинга, на-ряду со всяким вялым и мягким характером — решительного и деятельного борца; целый ряд неукротимых бойцов от Пуфендорфа и Томазия, Лессинга и Фихте вплоть до Рихарда Вагнера и в известном смысле даже Генриха фон Трейчке!

Подлинной боевой натурой является также и та дочь этой страны, которой мы приносим наши искреннейшие и сердечнейшие поздравления сегодня в день ее шестидесятилетия. И она принадлежит к этому второму типу саксонского племени! Ее свойство — не навязчивая вежливость, так легко налагающая на человека отпечаток приторности, а неподдельный инстинктивный такт, всегда — сознательно или бессознательно — проявляющийся согласно словам эллинской царевны: не для вражды, а для любви я существую. Это нераздельное слияние человеческой доброты и человеческой страстности проникает всю натуру нашего друга; ее ненависть к угнетателям сливается с ее любовью к угнетенным.

---

[1]) Буквально: «что ни подлипало, то житель города Мейссена» в (Саксонии). *Прим. перев.*

Клара Эйснер — саксонка по рождению, и в Лейпциге она получила под руководством Элизы Шмидт подготовку к педагогической деятельности. Она рано обнаружила богатую одаренность, в частности в области языковедения. Но глубже всего захватили ее великие идеи социализма, который быстро распространился в Саксонии в семидесятых годах прошлого столетия. В этих идеях тотчас нашли внутреннее удовлетворение ее пылкое сердце и ее глубокий ум. Но она никогда не забывала мудрые слова Натана, что благоговейные грезы несравненно легче, чем добрые дела, и, пылая горячей преданностью высоким целям социализма, она не менее усердно и основательно изучала средства и пути его практического осуществления; практика и теория также всегда оставались у нее в счастливом равновесии

Под гнетом закона о социалистах для юного борца было немного дела в Германии. Она отправилась за границу, в Швейцарию, где вступила в тесную дружбу с симпатичной супружеской четой Моттелер и принимала деятельное участие в распространении «Социал-демократа» в Германии, затем в Париж, где она близко познакомилась с Лаурой Лафарг, дочерью Карла Маркса, и вступила в брак с русским эмигрантом Осипом Цеткиным. Смерть болезненного мужа преждевременно расторгла брак, но у молодой вдовы остались два цветущих мальчика. Всегда и всем эта натура была наделена щедрою мерой; так было и с материнскими горестями и радостями; материнскими горестями, ибо ей пришлось вести чрезвычайно суровую и порой почти непосильную борьбу за существование; материнскими радостями, ибо ей удалось воспитать обоих сыновей дельными людьми, на которых она вправе смотреть с гордостью.

Историческая деятельность Клары Цеткин, обеспечивающая ей почетное место в истории современного движения, началась с момента отмены закона о социалистах, давшей ей возможность вернуться в Германию. Она приняла на себя руководство органом «Равенство» (Gleichheit), находившимся в стесненных и критических условиях, и превратила его в мощный орган, который дал поддержку и направление международному социалистическому женскому движению. Это не означает, что она посвятила всю свою неутомимую деятельность редактированию этого журнала или же женскому движению.

Она появлялась везде, где могла быть полезной, и ни одна избирательная кампания не прошла без ее деятельного участия! Однако, центром и сущностью ее работы, длившейся десятилетиями, было то, что в этой работе она стала первым учителем и руководителем социалистического женского интернационала; эта ее роль радостно признается и приветствуется повсюду, где бьются пролетарские женские сердца, стремящиеся к освобождению своего пола и своего класса от оков унизительного рабства.

Томы «Равенства» являются вечным памятником для Клары Цеткин. Этот орган всегда стоял на высоте социалистического принципа, и не удивительно, ибо немногие из современников могут померяться с Кларой Цеткин в знании марксистской теории и бесспорно никто из них не превосходит ее в этом. Но она никогда не увлекалась бесплодными мудрствованиями, которые под личиной научности ослабляют в одинаковой степени здравый смысл и активность рабочих. Этого различия, впрочем, не понимают Шульцы и Мюллеры, жалующиеся на «малодоступность» «Равенства» под редакцией Клары Цеткин и взамен его рекомендующие шейдемановцам свою популярную окрошку, точь-в-точь как некогда Шульце-Делич, повидимому ныне воистину воскресший, восхвалял свою кашеобразную болтовню в качестве суррогата Лассаля (Lassalle-Ersatz). Не последней заслугой «Равенства» было то, что оно побуждало своих читательниц не только к практической деятельности и теоретическому познанию, но не в меньшей мере и к художественному созерцанию; литературные приложения к журналу редактировались с изысканнейшим вкусом.

В течение этих лет и десятилетий Клара Цеткин жила счастливо, хотя и это время изобиловало трудами, горестями и заботами, от которых нередко страдало ее здоровье. Может ли существовать для борца за социализм более блестящая карьера, чем работа над великим делом освобождения человечества, при том если об успешности этой работы свидетельствует всякий вновь прожитый день? И если она не могла скопить богатства, к чему у нее никогда и не было склонности, то все же ей не приходилось бороться с житейской нуждой.

Ее подрастающие сыновья доставляли ей только радость; она вступила во второй брак с Фридрихом Цунделем, высокоодарен-

ным художником; домик с садом на холме близ Штутгарта дал домашний уют, столь благоприятствующий умственной работе.

Тут разразилась катастрофа 4-го августа. Это был страшный удар, но хотя он грозил нашей приятельнице несказанными бедствиями, она не дрогнула среди развалин. Она была в числе первых, поднявших свой голос против великого отступничества, и с выдержкой испытанной журналистки она продолжала свою работу. Ей пришлось бороться с величайшими затруднениями! И однако, несмотря на все—несмотря на тяжелую болезнь, длящуюся уже два года, несмотря на тревогу о сыновьях, находящихся на фронте в качестве врачей, несмотря на тревогу о своем муже, потерявшем здоровье на службе в Красном Кресте, Клара Цеткин мужественно держалась на посту, оставаться на котором ей повелевали совесть и чувство долга. И ей, сохранившей верность, остались верны женщины, что, несомненно, и явилось последним толчком к «постыдному преступлению», совершенному над Кларой Цеткин шейдемановцами, сунувшими ей расчетную книжку с отметкой: «уволена за непослушание и непонятливость».

Никогда еще ограниченность не заключала более тесного союза с злонамеренностью!

Но все, для кого социализм есть нечто большее, чем кимвал звенящий и медь бряцающая или средство для целей карьеры, должны по мере сил помочь выковать новый меч, который мог бы послужить в руках Клары Цеткин к чести и славе нашего великого дела. И мы уверены, что прежде всего об этом позаботятся женщины. Шестидесятилетие Клары Цеткин должно стать для нее началом второй молодости; это пожелание должно претвориться в действие, которое даст нашему великому вождю новую жизнь и новые силы к славному продолжению той борьбы, которую она вела со славой уже много лет.

«Парламентаризация».

(26 июля 1917 г.)

Если сравнить положительные и отрицательные результаты, так-называемого, «кризиса», пережитого рейхстагом в течение только что истекшей сессии, то их внутреннее различие окажется

в том, что положительные результаты настолько же висят в воздухе, насколько отрицательные результаты являются неоспоримыми фактами.

К положительным результатам относится замена нынешнего имперского канцлера нынешним помощником государственного секретаря Михаэлисом; жаль только, что никто не знает и не дано ни малейшей гарантии, хотя бы в вступительной речи нового сановника, что он будет вести новую или даже лучшую политику, чем его предшественник. Далее, верховная власть обязалась осуществить в прусском государстве равное избирательное право; жаль только, что окончательное решение этого вопроса принадлежит прусскому ландтагу, об обеих палатах которого известно, что они непримиримо враждебны равному избирательному праву. Наконец, рейхстаг большинством едва двух третей голосов принял резолюцию, требующую мира без аннексий и контрибуций; жаль только, что она формулирована достаточно неясно и двусмысленно для того, чтобы дать одному из ее составителей возможность толкования, будто она никоим образом не исключает аннексий и контрибуций, и чтобы вырвать у нового имперского канцлера признание, что он может согласиться с ней, *нотабене:* в том смысле, в каком он ее понимает.

Итак, если положительные результаты «кризиса» являются в высшей степени сомнительными, то его отрицательные результаты стоят вне всякого сомнения: именно, крушение всех попыток «парламентаризации» германского государственного строя. Вернее, рейхстаг даже во время прежних кризисов еще никогда не был так изолирован, как во время этого, так-называемого, «кризиса»; никогда еще он не был до такой степени под властью «системы бесконтрольных роковых сил» (по прекрасному выражению «Berliner Tageblatt»), которая недостойна великого народа; никогда еще германский имперский канцлер или прусский премьер-министр не был, при своем назначении на эту должность, с политической точки зрения таким белым листом (unbeschriebenes Blatt), как господин Михаэлис. Никто не знает, по чьей рекомендации, по какой причине, на каком основании он был назначен руководящим государственным деятелем Германской империи. Он сам также отнюдь не открыл рейхстагу свою политическую программу, а скользил по всем жгучим вопросам — еще

раз употребляем прекрасное выражение «Berliner Tageblatt»— с такими осторожными и старательно рассчитанными манерами, с какими несут чрезвычайно хрупкие вещи по ухабистой мостовой. И, молча выслушав громовые речи господ Шейдемана и фон-Пайера, он распустил храбрый рейхстаг по домам, *нотабене*: после того как большинство рейхстага положило ему на стол 15 миллиардов новых военных кредитов.

Более полное фиаско «парламентаризации» немыслимо, но оно не является необъяснимым. Первым толчком к так-называемому, «кризису» послужила, как известно, яростная атака, предпринятая депутатом Эрцбергером 6 июля в главном комитете рейхстага против военной политики Бетман Гольвега. Господин Эрцбергер — ультрамонтанский агитатор, соприкасавшийся с Шейдеманом в качестве «выжидающего политика» (Durchhaltepolitiker), но превосходящий эту родственную натуру в умении не упускать момента, подобно тому как—если сравнивать малое с великим—Виндтхорст в этом деликатном пункте обладал преимуществом перед Бисмарком. Именно, чем сильнее становилось в рабочих массах стремление к миру и чем безрассуднее господин Шейдеман оставлял военный барабан для того, чтобы трубить о мире, тем более господин Эрцбергер сознавал необходимость дать что-нибудь и рабочим массам, еще примыкавшим к центру. Можно растрогаться до сострадания, слыша жалобы правительственных социалистов, что-де господин Носке давно уже высказал то же, что и господин Эрцбергер, и что господин Зеверинг задумал бы еще совершенно новые героические подвиги, если бы его не предупредил господин Эрцбергер. Но этим добрым людям все же лучше было бы не выдавать, самим себе свидетельства о бедности, именно: что ультрамонтанский доброволец—ибо господин Эрцбергер предпринял свое выступление не в качестве представителя своей фракции, а совершенно самостоятельно — может добиться больших результатов, чем они со всеми своими державными замашками.

Если буржуазные партии были выведены из своего блаженного божественного покоя возрастающим стремлением масс к миру и почувствовали настоятельную необходимость успокоительного воздействия на своих избирателей, то было достаточно понятно, что они рядом или даже выше неясной и двусмысленной копии русской революционной программы мира поставили то, что они

предпочли назвать неизящным и однобоким термином «парламентаризация», который, как таковой, может быть по достоинству поставлен на-ряду с «новой ориентацией» (Neuorientierung). Этим они возбудили иллюзию, будто они намеревались реформировать отсталые конституционные порядки германской империи, которые настолько же угнетали внутри страны, насколько уменьшали престиж Германии за границей. Если они не требовали попросту парламентарной системы, т.-е. по общеизвестному и понятному выражению—перенесения решающей власти с короны на парламент, то они руководились при этом различными побуждениями. С туманным понятием «парламентаризации» можно было соединить всяческие туманные фантазии о наступлении «тысячелетнего царства», тогда как парламентарная система, на основании всех исторических опытов, уже не дает простора таким фантазиям. Нашлись даже люди, и даже умные люди, как, например, Лотар Бухер, которые после основательного изучения парламентарной системы в Англии, классической родине этой системы, возвращались в объятия старопрусской милитаристической системы. Это было, конечно, очень нелепо, ибо хотя парламентарная система отнюдь не означает наступление «тысячелетнего царства», она тем не менее является историческим прогрессом, этапом прогрессивного развития, через который должна пройти всякая современная нация. Но если рассматривать парламентарную систему в ее суровой и трезвой действительности, то нельзя не видеть того факта, что там, где она пустила глубокие корни, как в Англии и Франции, она могла осуществиться лишь в результате классовой борьбы, длившейся годами, десятилетиями и даже столетиями и неоднократно вспыхивавшей революционным пламенем; именно этот факт затушевывается расплывчатым понятием «парламентаризации».

Ибо при ней все должно совершаться в высшей степени миролюбиво и по-семейному. Когда некий опрометчивый, хотя и не лишенный исторических познаний, индивид приписал господину фон-Пайеру заявление, будто явилась возможность теперь или никогда «вырвать» более широкую власть для рейхстага, то этот вождь сторонников «парламентаризации» объявил с величайшим обычным негодованием, что он никогда не придерживался и не выражал столь преступного воззрения. И ему можно

поверить на слово. На самом деле—корона должна ради прекрасных глаз свободомыслящих, ультрамонтан и правительственных социалистов пожертвовать своим исключительным правом объявления войны и мира, равно как и своим правом назначать таких министров, которые нежелательны рейхстагу, но за это она пожнет такую славу, которой не пользовалась еще ни одна верховная власть в мире.

Правда, под этим скрывается маленькое историческое заблуждение. Нет правила без исключения, и если парламентарная система всегда осуществлялась лишь в результате ожесточеннейшей борьбы, то во всяком случае опыт «парламентаризации» был уже однажды проделан. Это произошло в начале 1870 года, когда под коварным Наполеоном обрушился его трон, и он отказался от своих прав на престол в пользу законодательного собрания, найдя при этом усердных соучастников в лице Оливье и компании. Возможность повторения этого опыта не исключена постольку, поскольку блок центра кишит услужливыми Оливье, но нельзя особенно порицать верховную власть, если она не найдет особой привлекательности в бонапартистском примере.

* * *

Поскольку сущность парламентарной системы состоит в том, что решающая власть переходит от короны к парламенту, постольку исторической предпосылкой этой системы является то, что буржуазия—либо самостоятельно, либо совместно с зависящими от нее классами—распоряжается средствами государственной власти. Все парламентарные формы, лишенные этой фактической предпосылки, приводят к лже-конституционализму, который может оказаться более опасным и роковым для нации, чем откровенный абсолютизм.

Этого отнюдь не могут изменить какие бы то ни было параграфы конституции, ибо согласно Бисмарку и Лассалю конституционные вопросы являются вопросами силы, а не права. Допустим на минуту, что корона вознамерилась даровать парламенту право участия в решении вопросов войны и мира; однако уже во время Великой Французской революции даже блестящему софисту Мирабо не удалось додуматься до параграфа, который

ясно и недвусмысленно определил бы, что должно произойти, если корона и парламент не придут к единодушному решению относительно войны или мира. Практически всегда решающая роль достается той стороне, которая распоряжается политическими средствами государственной власти. Так и случилось во время Великой Французской революции, когда национальное собрание объявило войну контр-революционным державам, угнетавшим его грубыми угрозами,—против воли короля, который, в свою очередь, благодаря тайным интригам с заграницей, потерял не только корону, но и голову. И всякий конституционный параграф, запрещающий верховной власти назначать министров по своему усмотрению, совершенно не считаясь с парламентом, даже если бы верховная власть признала этот параграф, оставался бы простым клочком бумаги, не обладающим никакой ценностью даже при современном бумажном голоде,—до тех пор, пока средства государственной власти фактически находились бы в распоряжении короны. В Англии, где ни одно министерство не может просуществовать хотя бы день без согласия парламента, никогда не занимались подобной тратой бумаги; нигде в английском законодательстве не написано, что всякое министерство, получившее в парламенте вотум недоверия, должно уйти, но этот результат является простым следствием того факта, что распоряжение аппаратом государственной власти в британской империи находится в руках парламента.

Поэтому когда «парламентаризаторы» обещают усиление власти парламента, как результата нескольких параграфов конституции, выпрошенных у верховной власти в виде милости, то это равносильно принятию следствия за причину и взнуздыванию лошади с хвоста. И они доходят до вершины комизма, когда основывают свое притязание на том, что они всегда пляшут под дудку правительства и отдают ему одну дюжину миллиардов за другой.

Поистине тягостно быть вынужденным все еще говорить серьезно о трактуемых здесь вопросах.

В течение ста лет стало уже затасканным общим местом не только в западных культурных странах, но даже и в Германии, что каждый народ должен сам завоевывать свои права, а не ожидать дарования их от щедрот правительства. Если мы не

ошибаемся, то именно в этом году истекло столетие с тех пор, как Уланд воспел свободу в своем патриархальном стиле:

Среди властителей народа
Тому избраннику не быть,
Кто б мог мир, жаждущий свободы,
Вином свободы утолить [1]).

И несколько позже Дальман, этот прообраз доктринерского либерализма, предостерегал немецкую буржуазию от обманчивой иллюзии, будто правительство может наделить ее политическими правами подобно тому, как детям кладут подарки под рождественской елкой. Но еще более позорно, чем это забвение своих предков господами Пахникэ и Пайером, когда правительственные социалисты отрицают самую азбуку германской социал-демократии, те памфлеты, которыми Лассаль положил начало борьбе германского рабочего класса и в которых он дал конституционным вопросам исчерпывающее освещение, остающееся образцовым и в наши дни.

И в других отношениях с правительственными социалистами дело обстоит гораздо хуже, чем с либералами. Когда в 1848 году бравый бюргер похвалялся своим идеальным монархизмом перед себялюбивыми юнкерами, то можно было посмеяться над этой безобидной наивностью; когда, через полвека, во время прусского конфликта, прогрессивные депутаты выступали в такой же роли, то тогдашние социал-демократы уже высмеивали их; однако в наши дни правительственные социалисты облекают свои львиные члены в ветхую одежду, и «Гамбургское Эхо» уверяет, будто плечи свободных людей—именно, господ Фроме и Штольтена, Шейдемана и Штампфера, Давида и Зюдекума — представляют собою более надежную опору для монархии, чем согнутые спины юнкеров, преследующих—подумайте только, что за преступники! — исключительно свои классовые интересы. Если бы можно было ожидать непосредственного отклика на подобные тирады в тех кругах, в которые они метят, то надлежало бы признать по отношению к их авторам то смягчающее обстоятельство, что они по крайней мере усиливают свою оппозицию оскорблениями величества, хотя, к счастью, уголовно ненаказуемыми.

---

[1]) Noch ist kein Fürst so hoch gefürstet, So auserwählt kein irdischer Mann, Dass, wenn die Welt nach Freiheit dürstet, Er sie mit Freiheit tränken kann.

Мы, жалкие ничтожества, не можем сравняться с ними в монархическом воодушевлении; мы стоим на почве резолюции, внесенной в рейхстаг фракцией независимых социал-демократов и блестяще обоснованной товарищем Гаазе, включительно с «радикальным и прискорбным придатком» о «социальной республике», возбудившим серьезное негодование «парламентарного» демократа Конрада Гаусмана. Но так как наш взгляд не затуманен никакими лойяльными грезами, то ему доступны вещи в их трезвой реальности. Мы знаем из истории монархии, что она еще никогда не жертвовала своими правами добровольно, и мы знаем, что она по самой своей природе *не может* сделать того, чего она никогда *не делала*. Даже верховная власть подвластна общей человеческой участи — считать себя имеющей *право* на том основании, что владеет, и психологически вполне объяснимо, если она отказывается даже от бумажных подтверждений, которые ее нисколько не связывают, но которые уже поставили бы «парламентаризаторов» на верху блаженства. Если правы их авторитет, Бисмарк, и наш авторитет, Лассаль, в том, что вопросы конституции суть вопросы силы, а не права, то рано или поздно пробил бы час, когда власть была бы вынуждена разорвать свои бумажные подтверждения, что затем повлекло бы за собою различные затруднения.

Однако, что бы ни произошло, здесь дело идет лишь о том, чтобы изобличить перед немецкими рабочими «парламентаризацию» как мираж, который имеет целью затуманить их сознание своих собственных интересов, как недоносок, одинаково уродливый и по форме и по содержанию, и душою и телом, и потому заслуживающий приговора поэта: «вы должны его утопить или сжечь».

К четвертой годовщине войны.

(1 августа 1917 г.)

Старшие современники помнят еще те дни, когда Трейчке и компания воспевали поэзию, закаляющее действие и Бог весть какие прочие прелести войны, когда сам старик Мольтке полагал, что вечный мир не только мечта, но даже не прекрасная мечта.

В наши дни, когда гигантская всемирно-историческая борьба народов перевалила в четвертый год, хвалебные песнопения

былого времени звучат как вопиющие богохульства. Но, несмотря на то, что бесчисленные миллионы проклинают войну, она продолжает убивать людей, уничтожает продовольствие и средства существования, разрушает культурные блага, в такой степени, в какой этого никогда не было и никогда даже не предчувствовалось в безумных кошмарах о мировой катастрофе, грезившихся когда бы то ни было. И после того как этот бич полосует цивилизованный мир уже в течение трех лет, все еще не видно конца. Истекший год войны вполне подтвердил то, что я говорил ровно год тому назад, в преддверии третьего года войны, в «Leipziger Volkszeitung», а именно: что ни одно из правительств воюющих наций нельзя оскорблять позорящим допущением, будто оно не хочет мира, если может достигнуть его. И самые близорукие государственные деятели не являются столь близорукими. Но так как никто не может прыгнуть выше головы, то и они не в состоянии отделаться от собственной внутренней сущности, не перестав быть самими собой. Все они являются жертвами политических сил нашего времени, все они не в силах сорвать с себя отравленную одежду, хотя она и жжет их тело, как огонь.

Правительства центральных держав ставят себе в заслугу то, что они энергичнее всех настаивают на заключении мира. Противники видят в этом признак слабости или даже проявление коварства. Никто не верит друг другу ни на грош. И со своей точки зрения всякий имеет полное основание к этому. Германские государственные деятели несомненно весьма почтенные люди, и этот отзыв можно распространить даже на всех европейских государственных деятелей, но они не властители, а рабы обстоятельств. И поэтому постоянный припев их мирных предложений гласит: «Да, мы готовы, но кто поручится нам за благие намерения других?»

Имперский канцлер Михаэлис только что дал классический пример этого рода. Он собрал представителей печати и произнес им речь, которую лелеет—с меньшим остроумием, но с не меньшим усердием, чем старик Моммзен при попытке разгадать содержание обломка с древне-римской надписью—господин Шейдеман, чтобы доказать, что господин Михаэлис является носителем пальмовой ветви мира. Но в чем была подлинная суть речи? В разоблачении, что французское правительство замышляет захват

левого берега Рейна, из чего новый имперский канцлер извлек следующий вывод: до тех пор, пока противники не откажутся от завоевательных планов, мы также не можем отказаться от этого. С точки зрения политики, которую он ведет, это—вполне правильный вывод, но по существу это—поездка на карусели, всегда совершаемая по кругу, но никогда не приводящая к цели.

Ибо французы могут насчитать дюжины столь же преступных и даже более бессмысленных завоевательных планов, распространявшихся в Германии в известных кругах в течение трех лет, не встречая препятствий со стороны правительства, которое, по несомненно достоверному свидетельству господина Шейдемана, подготовляет все новые репрессии против платонической оппозиции «Vorwärts'a». Правда, могут возразить: «А мирная резолюция рейхстага!» Допустим, что она формулирована ясно и недвусмысленно, чего нет на самом деле; отвлечемся от того факта, что телеграфное бюро Вольфа, долженствующее столь превосходить своей правдивостью телеграфное бюро Рейтера, старательно замалчивало ту небольшую долю интереса, который эта резолюция встретила за границей; и тогда мы увидим, что в стане врагов ее встретили в общем словами Бисмарка: «Что можешь ты предложить, бедняга?». И в этом повинно безусловно не правительство, а сам рейхстаг, который за последние три года совершенно вычеркнул себя из числа движущих сил истории нашего времени.

Можно ли считать преступлением, если заграница не считается с народным представительством, которое в тот же момент, когда оно намеревалось крикнуть повелительное «остановись!» мировой войне, просило всемилостивейшего дозволения высказать свое мнение у себя и, когда в этом было отказано резче, чем когда бы то ни было,—покорно разошлось по домам? «Нельзя ни минуты медлить с демократизацией Германии: слишком поздно для недомолвок», прогремел господин Шейдеман, ушел домой, надел праздничное платье и на званом вечере у министра был удостоен беседы с высокими особами, хотя, правда, не на политические темы. Тогда господин Шейдеман гордо заявил своими сотоварищам: «Я не зулус», чему охотно поверят на родине, ибо зулусы—более притязательные люди.

Если разговоры о мире правительств—или, говоря общее, но точнее, влиятельных кругов—и их свиты, правительственных со-

циалистов, вращаются в порочном кругу, то спасительный выход из этого круга указала русская революция, величайшее всемирно-историческое событие третьего года войны, даже всей войны вообще. Она произнесла освобождающее и спасительное слово в виде своей формулы: мир без аннексий и контрибуций, и на нее направляются с надеждой взоры всех тех, кто еще не может привыкнуть к ужасной мысли, что тысячелетняя культура будет уничтожена страшной войной. Русская революция победила еще только наполовину, ибо с царизмом еще не был низвергнут русский империализм, с которым революция именно теперь ведет борьбу на жизнь и на смерть. Эта борьба была неминуема для нее, и кто до известной степени знаком с историей революции, тот не будет введен в заблуждение и медовым месяцем этой революции. Но он так же мало поддастся настроению преждевременного пессимизма, как и преждевременного оптимизма: окончательная победа останется за революцией.

Россия в течение целых столетий обязана многим германским рабочим, но в настоящее время русские рабочие с лихвой выплачивают свой долг. Они являются акушерами третьего Интернационала, подобно тому как английские рабочие были акушерами первого, а немецкие рабочие — акушерами второго Интернационала.

Они не нуждаются в нашей поддержке у себя на родине, но мы оказываем им сильнейшую поддержку, исполняя свой долг у себя дома и неутомимо работая над распространением наших принципов и идей. Чем более клонятся к закату дни правительственного социализма, тем выше восходит звезда мирового мира.

Третья эра.

(8 сентября 1917 г.)

Итак, огорченные сторонники «парламентаризации» потеряли и свои последние надежды с назначением новых людей, призванных новым имперским канцлером на посты имперских и прусских министров. Даже господин Теодор Вольф в «Berliner Tageblatt» впал в отчаяние, и только «Vorwärts» сохраняет свою мужественную бодрость. Хотя и «Vorwärts» вынужден признать, что о «пар-

ламентаризации» не может быть и речи. Но «Vorwärts» видит в «просвещенном бюрократизме» новых людей только «переходную стадию», которую он объявляет «сносной», если она подготовит путь демократии и мировому миру. До подобных химерических надежд не возвышаются даже буржуазные «парламентаризаторы», даже те, которые лишь с сотой долей пафоса, проявленного господином Шейдеманом, требовали от правительства немедленного признания демократии и мира.

Пусть так! Но откуда знает «Vorwärts», что «бюрократизм», ныне ставший у кормила, принадлежит к «просвещенному» виду своего рода? Насколько политически известны имена новых людей, они не обнаруживают ничего подобного, а о большинстве их политические круги вообще ничего не знают.

Однако пусть будет так! При интимных отношениях «Vorwärts'а» к «руководящим кругам», ему может быть известно больше, чем несведущим подданным, и поэтому мы не преминем приветствовать третью эру просвещенного бюрократизма.

Первая эра разыгралась на переломе восемнадцатого и девятнадцатого столетий. Тогда «просвещенная бюрократия», в лице Бейме, Альтенштейна, друга Гегеля, Менкена, деда Бисмарка по материнской линии, и многих других, играла руководящую роль в прусском государстве. В её рядах были даже республиканцы, как старший председатель областного суда в Кенигсберге, единственный разночинец, до настоящего времени, достигший этого высокого положения; его имя было Моргенбессер, и он опубликовал статьи на тему о республиканском кодексе, в которых превзошел даже законодательство парижского конвента в том отношении, что он требовал отмены права наследования и разрешения браков отцов с дочерьми; в остальном, правда, он обнаруживал свою истинно-прусскую чиновничью натуру, допуская свободу печати лишь постольку, поскольку она не стремится возбуждать страсти.

Так как эти «просвещенные бюрократы» были ненавистны дворянству, то отсюда понятно, что Штейн, который хотя и не был бранденбургским юнкером, но все же немецким бароном (Reichsfreiherr), был не слишком благоприятного мнения о них. Он называл их бездушными крючкотворами (Bureaulisten), которые и в черные и в ясные дни получают из государственной казны

20768

свое содержание и пишут, пишут, пишут. Он сам писал Гарденбергу: «Я считаю весьма важным разбить оковы, которые бюрократия налагает на эволюционирующий человеческий дух, сломить тот дух своекорыстия, грязного барышничества, ту привязанность к рутине, которыми проникнута эта форма правления», а своему брату Штейн разъяснял, также письменно, неспособность «просвещенной бюрократии» осуществить какие бы то ни было реформы, заявляя, что они являются всего лишь старшими приказчиками предприятия, вершащими текущие конторские дела. Они лишены всякого понимания действительной связи вещей и безнадежно остаются погруженными в хаос мелочей, имеющих большей частью детски-элементарное значение.

К счастью, «просвещенный бюрократизм» вскоре получил возможность опровергнуть на деле неблагоприятные для него предубеждения Штейна. В конце 1808 года этот министр был свергнут известными происками юнкеров, и у кормила встала «просвещенная бюрократия» в лице министерства Альтенштейна-Бейме. Положение прусского государства было тогда таково, что для творческой энергии государственного деятеля открывалось самое широкое поле. Но, к несчастью, «просвещенная бюрократия» не умела использовать блестящие возможности. Министерство Альтенштейна-Бейме не сумело ни на волос продолжить начатые Штейном реформы и через полтора года неудачного управления низвело страну до такого состояния, что могло только попытаться обеспечить короткую отсрочку, предложив королю уступить Силезию чужеземному завоевателю.

Дольше продолжалась вторая эра «просвещенного бюрократизма», начавшаяся с основания таможенного союза и длившаяся до времен Бисмарка, о котором еще в 1866 году тайные советники из среды этой бюрократии полагали, что он—весьма умный и бравый господин, но неимеющий ни малейшего представления об исторических задачах. Со своей точки зрения они не были совсем неправы. Правда, таможенный союз был делом не их рук, а результатом экономической необходимости, под давлением которой эти бюрократы стали достаточно «просвещенными» для того, чтобы выглянуть за черно-белые пограничные столбы.

Сам Бисмарк впоследствии признал, что их более или менее удачные попытки убрать феодально-цеховой мусор были предпри-

няты при его тайной антипатии, и он не принимал в них в сущности никакого участия. О задачах своего времени эта «просвещенная бюрократия», правда, также не имела ни малейшего представления и была не менее беспомощна по отношению к освобождению рабочего класса, чем Альтенштейны и Бейме по отношению к освобождению крестьянства.

Господин Дельбрюк разъяснил тайну времени—не терять процентов и заявил, что никакое законодательство не может воспрепятствовать глупцам отдавать себя на ограбление ростовщическому капиталу, в то время, как господин Кампгаузен рекомендовал в качестве панацеи против капиталистических кризисов—понижение заработной платы. И политически они также не обладали ни властью, ни мужеством. Когда они стали неудобными «умному и бравому господину», на которого они смотрели так свысока, то он одним пинком отправил их в пучину забвения.

Эти отечественные воспоминания, которые однако должны бы быть животрепещущими для пылких патриотов «Vorwärts'a», делают непонятным, как может министерство «просвещенной бюрократии» представлять собою «сносную переходную стадию» для рабочего класса. Какою бы неведомой областью ни было для них материалистическое понимание истории, все же со времени барона Штейна и до Теодора Вольфа в буржуазном мире уже давно стало общим местом, что министерство чиновников и тем более прусское чиновничье министерство не может вести никакой самостоятельной политики и менее всего способно вести ту политику, которая может приготовить путь демократии и всеобщему миру. «Старшие приказчики» фирмы могут в лучшем случае гладко или с грехом пополам вести текущие дела, но они не призваны и неспособны открывать новые пути.

Возможно, что в цветнике «Vorwärts'a» еще лелеется последний цветок надежды, который буржуазные «парламентаризаторы» уже давно забросили. В кругах правительственных социалистов ходит слух, будто одному из их светлых умов было сказано одним высокопоставленным лицом, что оно ничего не имеет против парламентаризации: оно готово примириться с ней, но со стариком еще придется повозиться. Не было бы ничего удивительного—скорее наоборот, если бы правительственные социалисты, в своем удачном подражании достославной политике прогрессистов

шестидесятых годов, задумались бы над мыслью добряка Шульце-Делича, что «династия, многократно снискавшая благословение божие», может породить отпрыск, понимающий «признаки времени».

Призывы к примирению.

(16 августа 1917 г.)

Согласно недавнему сообщению «Vorwärts'а», к вюрцбургскому партейтагу, созыв которого предположен правительственными социалистами осенью, «многочисленными организациями» вносятся предложения принять меры к восстановлению единства партии. Далее «Vorwärts» сообщает, что эти предложения вызваны «в сущности» инициативой Адольфа Брауна в Нюрнберге, но они были отклонены органами независимой социал-демократии «с обычной наглостью», и эта «наглость» приводит «Vorwärts» к тому заключению, что независимые препятствуют демократизации Германии своими коварными попытками раздробить немецкое рабочее движение и хотят оказать поддержку злейшим милитаристам, выступая рука об руку с графом Вестарпом против мирных резолюций рейхстага.

«Наглость», быть может, объясняется скорее всего личностью «инициатора», которого «Vorwärts» наделяет эпитетом «тонкого» ума, так как Адольф Браун принес в жертву на алтарь правительственного социализма свою «старую приятельницу» Клару Цеткин, конечно, с тем же обливающимся кровью сердцем, с каким он оплакивает «распадение» партии. Проповеди единения и примирения подобного калибра, в конце-концов, все же не могут возбудить особого доверия. Однако, на время забудем это! Мы охотно признаем, что восстановление единства партии является крайне желательным, ибо рабочий класс, по излюбленному выражению, должен быть сплоченной фалангой для того, чтобы он мог победить. Но сплоченность фаланги заключается в том, что она сражается одинаковым оружием и идет одинаковым шагом. Если бы афинская фаланга при Марафоне была вооружена наполовину копьями и шлемами, а наполовину снабжена метлами и ночными колпаками, если бы одна половина ее неслась в атаку впереди.

а другая плелась за ней черепашьим шагом, то дело персов было бы выиграно.

Точно так же легко было одержать победу Бисмарку, когда во времена прусского конфликта против него выступила «сплоченная фаланга» прогрессивной партии, на правом фланге которой шагал кряжистый монархист Шверин, а на левом фланге — старый коммунист Беккер. Для того, чтобы сохранить «сплоченность» фаланги, жертвовали одним принципом за другим, но когда от болтовни дошло до дела, то вся орава разбежалась как стадо овец. Передовые борцы немецкой социал-демократии никогда не попадались на эту удочку. Бесчисленные полемические выпады, направлявшиеся, до и после революции 1848 года, со стороны демократов против Маркса и Энгельса, все сводились к современным жалобам «Vorwärts'а», будто Маркс и Энгельс предали общее дело демократии из мелочного фракционного эгоизма. Впоследствии Маркс противился объединению эйзенахцев и лассальянцев, поскольку обе группы не стояли на почве общих принципов, и даже в эпоху закона о социалистах Энгельс заявил, что выделение мелкобуржуазно-социалистической фракции при данных обстоятельствах вполне желательно в интересах целого движения. А когда Бебель вызвал раскол в объединении рабочих союзов, будучи вдобавок председателем этого товарищества, то он писал Ф. А. Ланге: «Лучше десять стойких союзов, чем тридцать колеблющихся».

Однако, к чему нагромождать эти примеры?

Ведь само собою понятно, что сражающаяся армия должна иметь одну общую стратегию и тактику. Таким образом, если теперь должно быть восстановлено единство партии, то возникает вопрос, какая из обеих сторон должна отказаться от своих прежних приемов борьбы. И это воистину не «наглость», а в высшей степени законное опасение морального и политического самоубийства, когда независимые отказываются бросить свою тактику Можно упрекать их сколько угодно и в чем угодно, но они поистине не заслужили упрека в недостатке выдержки и долготерпения. Можно даже спорить о том, не злоупотребили ли они этими человеческими добродетелями более, чем это было необходимо.

Но непозволительное бесстыдство — внушать им теперь, что они, ради чистейшей иллюзии, должны уничтожить себя, как

самостоятельную рабочую партию, и объединиться с партией, будущее которой зависит исключительно от милости правительства.

В наши дни даже самые близорукие люди не могут более заблуждаться в этом отношении. Даже либеральные газеты начинают уже высмеивать ту совершенно бессодержательную болтовню, в которой шейдемановцы изливают свой бред о «демократизации» и «парламентаризации» германской империи. Каким же путем намерены они осуществить это великолепие с политикой 4 августа?

Угрозами и пророчествами, пустыми тирадами, какие уже в эпоху конфликта повторялись до отвращения прогрессистами, с тем единственным результатом, что Бисмарк пожал плечами: «Dor lach ich öwer!» (Я смеюсь над этим.)

Первая попытка «парламентаризации» удалась так, что даже у «Berliner Tageblatt» выступили слезы. «Vorwärts» находит это переходное состояние вполне сносным, и последние следы его злобного настроения выражаются лишь в утверждении, что для социал-демократии ясно, что новое правительство есть последнее немецкое правительство чиновников.

Ладно, думает Die Welt am Montag, если оно даже последнее или предпоследнее, то и в таком случае господин Шейдеман даст отсрочку по векселю: ведь правительство в первые три года войны убедилось, что некоторые люди в парламентской политической борьбе принимают хлопушки за настоящие боевые патроны. Правительственные социалисты принуждены выслушивать подобные едкие насмешки либеральных газет, — и по заслугам!

Немецкая история еще не видела, даже в 1866 году, такого — скажем вежливо — самопожертвования, какое проявляют правительственные социалисты. Когда тогдашние национал-либералы перешли на сторону правительства, то они проделали это по крайней мере шаг за шагом и извлекли очень значительные выгоды для своего класса, для буржуазии. Шейдемановцы сравняются с ними лишь при том условии, если они за свое «переучивание» (Umlernen) обеспечат пролетариату хотя бы восьмичасовой день и вполне неприкосновенную свободу коалиций. Они переняли у национал-либералов 1866 года только свои вечные жалобы, что

Гаазе идет рука об руку с Вестарпом, и что независимые ставят свою мелочную фракционную политику выше национальных интересов. Так национал-либералы кричали после 1866 года, что Иоганн Якоби и Либкнехт шли рука об руку с Клейстом-Ретцов или Виндтгорстом, и что демократия отвергает национальные интересы ради удовлетворения мелкого фракционного эгоизма. Только современные правительственные социалисты находятся по сравнению с тогдашними национал-либералами в том невыгодном положении, что Бамбергеры и компания не так глупо вторили глупой болтовне, как ныне Штампферы и компания. Национал-либералы все же могли дать нечто буржуазии, тогда как правительственные социалисты ничего не могут дать пролетариату.

Лассаль сказал однажды, что всякий процесс есть борьба за голову судьи [1]). Так и процесс между зависимыми и независимыми есть борьба за голову немецкого рабочего класса. Пока множество проницательнейших и деятельнейших членов этого класса сидит в окопах и пока длится осадное положение, обеспечивающее зависимым полную свободу печати и слова и в то же время лишающее независимых этого законного оружия политической борьбы, до тех пор шейдемановцы могут наслаждаться обманчивым блеском «партии большинства»; но как только явится возможность снова вести борьбу при равных условиях, ветер тотчас переменится. Тогда немецкая социал-демократия снова станет сплоченной фалангой, какой она была некогда.

До той поры на все призывы к примирению может быть лишь один ответ: с партией, которая в настоящем живет лишь по милости осадного положения, а в будущем может надеяться только на милость правительства, то-есть с трупом, — нельзя заключать союз.

Папство и мировая война.

(21 августа 1917 г.)

Когда избирается новый папа, то он обыкновенно, при выборе своего папского имени, принимает имя того из своих предше-

[1]) «Ein Streit um den Kopf des Richters», т.-е. стремление привлечь судью на свою сторону. *Прим. перев.*

ственников, которому он либо обязан признательностью, либо чувствует себя родственным ему по натуре и стремлениям. Когда нынешний папа назвал себя Бенедиктом XV, то здесь повлияло лишь внутреннее сродство, ибо это имя отсутствовало в ряду пап в течение более полутора столетий; Бенедикт XIV носил тиару с 1740 до 1758 года.

Он принадлежал если не к самым сильным, то во всяком случае к самым терпимым, кротким и мудрым князьям церкви, когда-либо восседавшим на престоле святого Петра. Просветители 18-го столетия считали его почти своим. Прусский король Фридрих и Вольтер, в переписке которых «Ecrasez l'infame», т.-е. «раздавите гадину» (именно церковь), является постоянным припевом, совершенно искренно восхваляли этого папу. Фридрих воспевал его:

Князь церкви и великий человек,
С душой прекрасной, сильной и свободной
Примеру древних преданный навек,
Он — пастырь добрый и властитель благородный.
И шлют ему хвалы: душистый фимиам,
Обитель муз и христианский храм.

А Вольтер посвятил этому папе свою трагедию «Магомет». Бенедикт XIV не оставался в долгу. В письмах и беседах он наделял прусского монарха королевским титулом, хотя римский официальный календарь признавал только «маркграфа бранденбургского»; он говаривал в шутку, что в Вене его считают добрым пруссаком, а Вольтера он поблагодарил в остроумном письме за посвящение той трагедии, которая под мусульманской личиной бичевала фанатизм христианского духовенства.

И наш Готхольд Эфраим Лессинг также принадлежал к почитателям этого папы. Когда один профессор физики Виттенбергского университета послал некоторые свои работы Бенедикту XIV, как покровителю наук, то лютеранские попы осыпали его яростной бранью. Лессинг заявил, что это произошло потому, что «господин профессор Бозе, находясь в нескольких шагах от могилы Лютера, не побоялся сказать, что нынешний папа —

ученый и разумный человек». И Лессинг хлестнул тупую чернь эпиграммой:

Он папу восхвалил. В честь Лютера, наш долг
Его хулой суровой поразить.
Как, папу он хвалил? Ну, пусть хвалил бы чорта:
Тогда еще могли бы мы простить [1]).

Эти слова в наши дни можно посвятить «Kreuzzeitung, Reichsbote», «Deutsche Tageszeitung» и иным, которые готовы скорее воздать хвалу дьяволу мировой войны, чем признать, что нынешний папа среди бесчисленных могил заговорил как разумный человек.

В самом деле, следует признать, что Бенедикт XV выполнил долг, возложенный им на себя при выборе своего папского имени. Он зарекомендовал себя в мировой войне как терпимый, кроткий и мудрый глава церкви, в особенности своим недавним призывом к миру, обращенным к «верховным правителям воюющих народов». Официальный представитель древнейшей, консервативнейшей и легитимнейшей власти в христианском мире говорит в этом обращении таким языком, который неминуемо произведет впечатление на мыслящих и чувствующих людей, как бы далеки они ни были от всех церковных дел. Особенно отрадно действует то, что папа, в прямую противоположность столь многим светским монархам и государственным деятелям, совершенно не впутывает Господа Бога в кровавые и жестокие деяния мировой войны. Когда он характеризует сущность этой войны словами: «Неужели весь цивилизованный мир должен стать полем смерти? Неужели Европа, достигшая такой славы и расцвета, охваченная повальным безумием, стремится в пропасть и прилагает руку к собственному самоуничтожению?» — Как далеко превосходит этот взгляд папы воззрение того светского государственного деятеля, который сказал именно об этой войне, что все те, «кто уже имел око и слух для того, чтобы видеть и слышать откровения Бога в мировой истории», теперь ясно увидели, что «мировые события происходят согласно божественному предначертанию».

---

[1]) Er hat den Papst gelobt. Und wir, zu Luthers Ehre,
Wir sollten ihn nicht schelten?
Den Papst, den Papst gelobt? Wenns noch der Teufel wäre,
So liessen wir es gelten.

Кстати, этот светский государственный деятель именуется Михаэлисом и уже несколько недель состоит германским имперским канцлером.

Теперь еще нельзя предвидеть, будет ли иметь практический успех мирное обращение папы к «верховным правителям воюющих народов».

Когда утверждают, что папа не предпринял бы такого шага, если бы не был заранее уверен, что его обращение встретит и здесь и там благоприятный прием, то бесспорно многое говорит в пользу такого предположения, но все же этот вывод не кажется нам безусловно логичным. Нельзя упускать из виду, что папа, каким бы умным и благожелательным человеком он ни был лично, все же может вести только папскую политику и столь же мало, как и всякий другой человек, может действовать согласно своей воле. Несмотря на все сердечные комплименты, которыми обменивались Бенедикт XIV и король Фридрих, папа тем не менее непоколебимо отстаивал после завоевания Силезии Пруссией все церковные права в этой провинции, как известно окатоличенной самыми насильственными мерами; а когда в семилетнюю войну дошло до вооруженного столкновения между католической Австрией и протестантской Пруссией, то приближенные папы по мере возможности скрывали от него известия о всех прусских победах, ибо каждое известие такого рода сильнейшим образом отзывалось на здоровьи старика.

И Бенедикт XV также может вести только папскую политику. После опустошительных войн, надолго повергающих народы в нищету и бедствия, для церкви всегда настают хорошие дни. Чем безнадежнее кажется этот мир, тем сильнее становится надежда на мир потусторонний. Так было после тридцатилетней войны; так было и после наполеоновских войн; а между тем насколько сравнительно незначительны были опустошительные последствия этих войн по сравнению со страшным опустошением, которое уже причинила и еще причинит в своих непредвиденных последствиях современная мировая война! На подобных развалинах всегда процветает церковная пропаганда. В протестантских областях Германии, которые как известно особенно пострадали от тридцатилетней войны и наполеоновских войн, это обстоятельство запечатлелось уже в пословицах. Ученые говорят, что в тяжелые времена

пробуждается со стихийной силой «метафизическая потребность» народа, тогда как сами народные массы обыкновенно формулируют непонятное им беспредельное бедствие поговоркой: «Das ist ja zum Katholischwerden» (хоть становись католиком).

Итак, возвышая свой увещевающий и предостерегающий голос против войны уже во время самой войны, папа несомненно ведет умнейшую политику, какую только можно вести с папской точки зрения; но для этой политики не имеет решающего значения, пользуется ли она успехом в данный момент или нет. Можно даже сказать, что Ватикан мог бы ожидать бо́льших успехов в будущем, если бы он в настоящее время не встретил отклика у воюющих держав. Однако, все, что известно о нынешнем папе, допускает предположение, что его призыв к миру продиктован искренностью, и мы в свою очередь искренно желаем ему прочнейшего и скорейшего успеха.

Правда, буржуазная печать говорит на своем близоруком торгашеском жаргоне о состязании «красного и черного интернационала» из-за всеобщего мира. Но эти добрые люди не только не знают откуда звон, но даже не слышат его. Социалистическая политика отличается от ватиканской тем, что она ждет от масс не *молитв, а размышления* по поводу ужаснейшей катастрофы, разразившейся над культурным человечеством, и социалистическая политика намерена всеми силами содействовать этому мыслительному процессу. И при этой реальности ей нечего бояться какого бы то ни было соревнования.

Страна диковин.

(1 сентября 1917 г.)

Главный комитет рейхстага вновь распущен. Если спросить, что дали немецкому народу его только что закончившиеся заседания, то журнал «Preussische Jahrbücher», как известно, консервативный, но тем не менее вполне здравомыслящий ежемесячник, формулирует ответ в следующих словах: томительное сознание, что все остается по-старому.

Нам кажется, однако, что журнал «Preussische Jahrbücher» высказал это суждение в одну из своих нерассудительных минут. Он слишком требователен, а немецкие патриоты должны на-

учиться в эти тяжелые времена подавлять слишком алчные желания. Ведь журнал «Preussische Jahrbücher» сам признает, что заседания главного комитета рейхстага ознаменовались событием, не имеющим себе равных в парламентской истории всех времен и народов. Затем комитет благополучно произвел на свет знаменитую парламентарную систему в виде пирамиды, поставленной на вершину, и наконец при обсуждении вопроса о цензуре и осадном положении он в десятый или неведомо который раз ловко проделал фокус: вышел сухим из воды. Это вполне почтенные результаты, и если Соединенные Штаты были названы страной неограниченных возможностей, то Германская империя может похвастаться тем, что она является страной диковин (ein Reich der Raritäten).

Событие, о котором историки из «Preussische Jahrbücher» утверждают, что оно не имеет себе равных во всей парламентской истории, заключалось в том, что новый имперский канцлер почти единым духом заявил о своем *несогласии* с мирной резолюцией рейхстага и о том, что он *все же* согласен с ней. Эта резолюция до некоторой степени лишена необходимой ясности и недвусмысленности, но тем не менее она упоминает о том, что «Германия отказывается от насильственных расширений территории и политических, экономических или финансовых насильственных мер». К тому же Асквит 27 июля обратился в английском парламенте с торжественным и формальным требованием по адресу германского имперского канцлера, чтобы тот недвусмысленно высказался, согласна ли Германия не только очистить и вознаградить Бельгию, но также еще восстановить ее полную, неограниченную и абсолютную независимость, а не показную свободу. Весь мир знает, что недвусмысленный утвердительный ответ на этот вопрос (ответ, уже содержавшийся в мирной резолюции рейхстага) устранил бы самое существенное препятствие к заключению мира.

Между тем господин Михаэлис не ответил на вопрос Асквита, что быть может возможно объяснить тем, что патриотический немец обязан удостаивать вероломного англичанина только молчаливым презрением. Но когда имперский канцлер отнесся и к мирной резолюции рейхстага без всякого почтения, то это не могло притти по вкусу главному комитету. И в самом деле,

когда господин Михаэлис уклонился от согласия с мирной резолюцией, то господин Эберт огласил от имени партий большинства торжественную декларацию, в которой говорилось, что имперский канцлер, в конфиденциальных совещаниях—о которых, кстати, простые смертные узнали кое-что только при этом случае—еще до внесения резолюции о мире в рейхстаг, заявил о своем согласии на нее. После того как он снова переменил фронт и заявил, что он *все же* согласен с резолюцией, то следовало ожидать, что народные представители, обладающие чувством собственного достоинства (mit einem Rückgrat), решат прервать всякие сношения с ним. Но где там! На деле господин Эберт взял обратно *свою* торжественную декларацию, и между главной комиссией и имперским канцлером снова установились мир и согласие.

Господин Михаэлис, в благодарность за эту уступчивость, сделал большой шаг вперед в «парламентаризации», а именно «парламентаризации» немецкого образца. Повсюду под парламентарной системой подразумевают перенесение политического центра тяжести на парламент, работающий при условиях полнейшей гласности под строжайшим контролем избирателей. Но в Германии «парламентаризация» началась с того, что слабая тень рейхстага превратилась в еще более слабую тень комитета (Ausschuss). Читая за последние недели газетные сообщения о заседаниях главного комитета (Hauptausschuss), приходилось видеть недостоверные и урезанные отчеты о том, что́ по слухам сказал за закрытыми дверями оратор - «прогрессист», «национал-либерал» и т. п. Можно было вообразить себя живущим в тридцатых годах прошлого столетия, когда газеты в недостоверной и урезанной форме сообщали о том, что говорили в провинциальных ландтагах «оратор из дворянского сословия», «оратор из крестьянского сословия» и т. п.

Правда, до-мартовские филистеры в конце-концов все же нашли это слишком глупым, и когда в 1840 г. вступил на престол Фридрих-Вильгельм IV, они потребовали для провинциальных ландтагов гласности заседаний и достоверных газетных отчетов с поименованием ораторов. Новый монарх, естественно, исполнил эти просьбы на прусский лад. Он передал те немногие правомочия, которыми еще обладали провинциальные ландтаги, их ко-

миссиям, которые должны были шептаться с бюрократией при старательно закрытых дверях. Но до-мартовские филистеры не верили своим глазам и ушам.

Наши современные патриоты все же в большей мере одарены «государственным умом». Господин Михаэлис—человек совершенно в духе Фридриха-Вильгельма IV, который также полагал, что мировая политика совершается по «божественному предначертанию». И подобно тому, как этот король в начале своего царствования умел поставить себя в такое положение и так маневрировать, что на него предъявляли притязания и справа и слева, точно так же ведет себя и господин Михаэлис; в особенности они похожи друг на друга в сфере «парламентаризации». Для того, чтобы пойти навстречу главному комитету рейхстага, господин Михаэлис охлаждает ее пыл в особой комиссии из семи лиц, которые при условии непроницаемой тайны могут хотя и не решать, но по крайней мере обсуждать тайны государственной политики с семью членами союзного совета. Казалось бы, что народные представители, обладающие сознанием собственного достоинства, и тем более избранные на основе всеобщего избирательного права, откажутся пойти в эту камер-обскуру. Но далеко до того! Они храбро направляются туда с господами Эбертом и Шейдеманом во главе. Не столь странным является последний подарок, поднесенный главным комитетом алчущему народу: сжатый кулак на бумаге по адресу цензуры и осадного положения. Один из «новых людей» в правительстве небрежно бросил эту бумагу в корзину, ибо он знает, что из этого все-таки ничего не выйдет, как ни горячо клялся господин Гейне: рейхстаг не может долее терпеть этого; до его созыва вам дается еще четыре недели отсрочки, в течение которой вы можете исправиться, но затем—горе вам! Подобные десятки раз повторяемые тирады уже никого не пугают, в особенности когда они исходят от правительственных социалистов.

Вся мудрость этих людей исчерпывается крылатым словом, которое некогда нашел раввин Аарон Бернштейн для того, чтобы привести в гармоническое согласие громкие слова и полное бессилие прогрессивной партии. Он писал в «Berliner Volkszeitung»: «Палата депутатов *есть* сила, но она *не имеет* никакой силы». Лассаль едко высмеял эту цветистую бессмыслицу.

Всякий раз, когда «Vorwärts» вынужден упомянуть о факте, из которого вытекает, что рейхстаг *не имеет* никакой силы, он победоносно прибавляет: «Погодите только, завтра рейхстаг завоюет парламентарную систему». Лассаль не поверил бы своим глазам и ушам, если бы он мог прочесть мудрую мысль блаженного раввина в газете, которая именует себя—к счастью, самозванно—центральным органом германской социал-демократии.

Комедия против комедии.

(11 сентября 1917 г.)

Господин Вильсон—человек не нашего лагеря. Мы позволяем себе невинное удовольствие признать за ним, вместе с патриотическими газетами, что он в качестве ученого профессора высказался о конституционных порядках Германской империи совершенно иначе, чем в качестве президента Соединенных Штатов. Человек вырастает по мере того как его цели становятся возвышеннее, и кто обладает властью, тот всегда имеет обыкновение говорить иначе, чем тот, кто лишь стремится к власти.

Однако, если мы станем рассматривать господина Вильсона лишь как носителя того звания, которое принадлежит ему в настоящее время, то глава государства, покоящегося на капиталистической основе, играет всегда комичную роль в тех случаях, когда он читает главам других государств нравственные поучения по вопросам о политической демократии и о других прекрасных вещах—вместо того, чтобы приветствовать их улыбкой авгура. И положение нисколько не улучшается тем, что господин Вильсон—не наследственный монарх, а президент демократической республики. Напротив! Прошла приблизительно четверть в ка с тех пор, как Фридрих Энгельс показал, что уничтожающее всякую демократию развитие независимой от общества государственной власти, первоначально предназначенной служить лишь простым орудием общества, может быть изучено лучше всего именно в Америке! «Известно, как американцы в течение тридцати лет пытаются свергнуть это невыносимое иго и как они, несмотря на все эти усилия, все глубже вязнут в этом болоте. Здесь нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, кроме немного-

численной охраны против индейцев, ни бюрократии с длительной должностной службой и выслугой пенсии. И тем не менее мы видим здесь две большие шайки политических спекулянтов, попеременно завладевающих государственной властью и прибегающих к самым безнравственным средствам ради самых безнравственных целей. И нация бессильна против этих двух больших политических картелей, на вид как-будто состоящих у нее же на службе, а в действительности властвующих над нею и грабящих её». Так писал Фридрих Энгельс, который был бы до некоторой степени удивлен, если бы он мог видеть и слышать, как «Vorwärts», мнимый центральный орган германской социалдемократии, приветствует в лице вождя и орудия одной из этих «больших шаек»—пророка и чудотворца политической демократии. Поистине комедия против комедии! Щелчки, полученные «Vorwärts'ом» из своей собственной среды за свою гениальную политику, были нанесены столь же неловкими руками. Большая часть газет правительственных социалистов, в ответ на требование Вильсона, что в Германии должна взять в свои руки власть демократия, заявляет с пафосом морального негодования: «Мы сами приведем в порядок наши внутренние дела; заграница не должна стремиться господствовать над нами в этой области!» Конечно, если в Датском королевстве неблагополучно, то никакая чужеземная рука не смеет соваться туда, не совершая святотатства. Отсюда же всего один шаг до пангерманистического утверждения: если иностранная рука коснется Германии, то разложение начнется именно от этого прикосновения, ибо сама Германия—олицетворение здоровья.

И что за глубокое знание истории! Внутренняя политика прусско-германской империи никогда не плясала под дудку иностранных держав? Милосердное небо: разве не повиновался смиренно прусский король Фридрих-Вильгельм III, когда в 1807 году чужеземный завоеватель приказал ему снова назначить первым министром барона Штейна, которого король только что с бесчестием и позором прогнал со службы,—для того, чтобы Штейн перекроил прусские порядки по французскому образцу? Разве барон Штейн—кстати сказать, самый самостоятельный министр, какого когда-либо имела Пруссия—не послал в Париж прусского принца для того, чтобы убедить императора Наполеона,

что прусские реформы Штейна соответствовали желанию императора видеть быстрый прогресс цивилизации? Разве австрийский канцлер Меттерних не был в течение целой четверти века первым министром Прусского королевства? Или разве не был царь Николай в пятидесятых годах прошлого столетия настоящим прусским королем? Но если в девятнадцатом веке французская, австрийская, русская рука направляли внутреннюю политику Пруссии, то нет *ничего* удивительного и невероятного, если в двадцатом веке проявит такое же стремление американская рука.

Со спором о ноте Вильсона связан спор о новых выборах в рейхстаг, возгоревшийся между пангерманистами и правительственными социалистами. Граф Ревентлов требует новых выборов, *нотабене* при условии основательного просветительного воздействия правительства на массы избирателей, а господин Эдуард Давид требует новых выборов, *нотабене* при условии, что правительственные социалисты пойдут в избирательный бой, опираясь на либералов и клерикалов. Комедия против комедии! Оба героя думают о терроризированных выборах (Angstwahlen) 1887 года: граф Ревентлов о картинке с французским тюркосом, выгоняющим последнюю корову немецкого крестьянина из стойла, а господин Давид—о тогдашнем официозном лозунге, именно неудавшейся «коалиции Гриллепбергера—Рихтера—Виндтгорста», которая на этот раз должна стать прекрасной действительностью. Втайне, правда, оба они испытывают одинаковый страх перед терроризированными выборами; впрочем, больший страх чувствует господин Давид, ибо он хорошо знает, кто одержал победу в 1887 году, хотя Бисмарк далеко не имел в своем распоряжении столь сильного предвыборного агитатора, какого имеет граф Ревентлов в виде осадного положения.

Поэтому и вассалы этого пангерманского забияки проявляют бо́льшую агитационную деятельность, чем бравые правительственные социалисты. Эрих Бранденбург, профессор истории Лейпцигского университета, в газете «Deutscher Kurier» от 4-го сентября, обвиняет большинство рейхстага в государственной измене, хотя и бессознательной; как будто бессознательная государственная измена не столь же немыслима, как и бессознательный карьеризм! А трезвон о «старейшей немецкой колонии», который уже

начала несколько дней тому назад «Leipziger Volkszeitung», открывает перспективу удивительных предвыборных лозунгов, уже не со вчерашнего дня готовых к употреблению.

Именно, прибалтийские юнкеры получали за оказанные ими царизму дружеские услуги не только дворянские привилегии, пенсии и ордена, но между прочим, как и следовало, также пинки, и в эти тяжелые времена их земного бытия их «германская культура» обращалась за помощью к «матери-родине». В последний раз это произошло в конце шестидесятых годов прошлого столетия; тогда возникла целая литература, имевшая целью спасти «старейшую немецкую колонию» от «русского чужеземного владычества»; здесь достаточно упомянуть лишь имена Бинемана, Бока, Гарлеса, Ширрена; главным застрельщиком был Юлий Эккардт, который вынырнул в качестве мученика «германской культуры» в лейпцигских либеральных изданиях, но когда Бисмарк отвернулся от либерализма и начал проводить политику юнкеров - аграриев, вплоть до закона о социалистах—тот же Эккардт стал главным официозом этой политики.

Об одном из произведений этого типа Карл Маркс писал Кугельману 17 февраля 1870 года: «Брошюра, которую ты мне прислал, представляет собою одну из защитительных речей, с которыми привилегированные сословия немецко - русско - балтийских провинций апеллируют в настоящее время к немецким симпатиям. Эти канальи, издавна отличавшиеся ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за узаконение их права на эксплоатацию крестьянства, теперь поднимают крик, видя, что колеблется их привилегированное положение. Старый сословный строй, правоверный либерализм и высасывание соков из крестьян—вот что они называют немецкой культурой, на защиту которой теперь должна подняться вся Европа. Отсюда и последнее слово этой брошюры: земельная собственность как основа цивилизации, и при том такая земельная собственность, которая, по признанию самого жалкого памфлетиста, состоит из господских поместий или из обложенных оброком крестьянских хозяйств».

Маркс не упоминает заглавия брошюры. Однако, из ссылок, которые он делает далее на ее содержание, достаточно ясно, что

он говорит о брошюре Адольфа Вальтера «Уничтожение частного землевладения», направленной против известных резолюций Интернационала, принятых на Базельском конгрессе. Вагнер, бывший незадолго до того профессором в Дерпте, доказывал «преступное сумасбродство» этих резолюций, основываясь преимущественно на прибалтийском крупном землевладении и русском деревенском коммунизме. Резюмируя свою брошюру, он сам охарактеризовал ее как «предостережение нам, немцам, чтобы мы как настоящие доктринеры не начали снова, руководясь социалдемократическими принципами, действовать в пользу наших злейших врагов в Европе». Уже эта фраза показывает, как успешно этот поборник «старейшей немецкой колонии» играет на руку и приверженцам Ревентлова, и приверженцам Давида. Он умеет объединить этих людей, способных сами по себе играть только комедию против комедии,—в одной общей комедии: в поношении социалдемократических принципов, будто бы споспешествующих чужеземным врагам.

Дипломатические дела.

(18 сентября 1917 года)

«Парламентаризаторам» очень повезло. «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» публикует переписку германского императора и русского царя в 1904 и 1905 годах, содержание которой, в общем для них не слишком приятное, все же заключает некоторые места, кажущиеся им слаще меда.

В этих местах кайзер советует царю возложить на Думу решение вопроса, следует ли продолжать войну с Японией. Царь должен-де предоставить русскому народу долгожданную возможность самостоятельно решать свою судьбу или принять участие в этом решении, на что он имеет бесспорное право. Последствия этого решения так страшно серьезны и глубоки, что для какого бы то ни было смертного властителя совершенно невозможно принять на себя ответственность за это, не прибегая к помощи и совету народа.

Нет нужды указывать, что именно во всем этом восхищает «парламентаризаторов» до такой степени, что они (по выражению

«Berliner Tageblatt)» готовы поставить эти слова эпиграфом к новой, только что намечающейся исторической эпохе. Но консервативная печать не дает себя в обиду и хладнокровно заявляет: Не всем подобает одно и то же! И она по крайней мере имеет за собою исторический опыт, когда она утверждает, что совет, даваемый одной державой другой державе, отнюдь не имеет обязательной силы для самой державы - советчицы.

Когда прусский король Фридрих во время семилетней войны в 1762 году был выручен из крайне бедственного положения царем Петром III, то он отплатил за это советом: бедный простак— царь не должен третировать своих русских *en canaille* и должен слушаться своей супруги, умной Екатерины. Совет был дан с наилучшими намерениями и был к тому же весьма разумен, ибо неисполнение его вскоре стоило царю не только короны, но и жизни: Екатерина прикончила его при посредстве своего любовника графа Орлова. Если бы вслед за этим хотя бы тетушка Фосс посоветовала старому Фрицу не третировать своих пруссаков *en canaille* и сделать свою хозяйку (Hausehre) своей политической Эгерией, то ей было бы обеспечено место в сумасшедшем, если не в смирительном, доме.

Или еще пример! Когда разразилась французская революция 1789 г., то при прусском дворе ее приветствовали с неподдельным восторгом. Уже 5 июля Герцберг, тогдашний первый министр, сообщал королю Фридриху-Вильгельму II: во Франции исчезло преклонение перед королевской властью, войска отказываются действовать, все это предвещает сцену с Карлом I (английским). А когда, несколько недель спустя, была взята штурмом Бастилия, тот же Герцберг торжествующе писал тому же королю: во Франции низвергнута монархия. Все это совершенно правильные и здравые суждения, которые однако не помешали бы ни министру, ни королю снять голову с плеч каждого, кто попытался бы вызвать подобные радостные события в прусском королевстве.

Даже более того! Когда французское национальное собрание оспаривало за королем право самостоятельного решения вопросов о войне и мире, то демократическая левая этого собрания получила через прусского посла необходимый справочный материал из берлинских архивов, обильно снабженных таким материалом, чтобы доказать, с каким легкомыслием абсолютизм обыкновенно

завязывал войны. Но это нисколько не помешало прусскому королю года через два вторгнуться во Францию с оружием в руках, на основании манифеста, который по своему беспредельному легкомыслию занимает весьма видное место в военной истории.

Эти примеры можно было бы продолжить до бесконечности. Вспомним еще мимоходом только о примере Бисмарка, который изображал собою верного вассала бранденбургского маркграфа, но настолько презирал «безбожный и неправомерный лже-суверенитет» других немецких государей (а они могли чваниться своим правом на титул «божьей милостью» с неменьшим правом, чем прусский король), что попросту прятал их короны в карман. Эта теория двоедушия (Zweiseelentcorie) издавна составляла сущность всякой дипломатии, и была бы поистине детским занятием попытка связать из ее противоречий неразрывающуюся сеть. Но поверхностному либерализму издавна свойственно делать попытки вымыть медвежью шкуру, не замочив ее, и в этом отношении он нашел ныне понятливого ученика в лице правительственного социализма. Насколько отсутствие логики является безвредным для дипломатии, настолько неуспех является для нее прискорбным, и в этой сфере немецкая дипломатия проявила в течение последних месяцев (в мексиканской, норвежской и недавно в аргентинской авантюре) такую деятельность, которая вполне способна лишить ее всякого права на уважение со стороны современников и потомков. Хотя и это является счастливой находкой для «парламентаризаторов», но если они вознамерятся препоясать свои чресла, чтобы плясать на этом Родосе, то это им не удастся. Как трудно даже настоящему парламенту, например, английскому, играть руководящую и решающую роль в области внешней политики, — показал уже Лотар Бухер в своей книжке о парламентаризме; он сам не нашел иного исхода, кроме предложения выбросить за борт всю дипломатию в целом. Менее радикальную меру предложил недавно д-р Шлибен (Schlieben), состоявший до 1914 года германским консулом в Белграде («Немецкая дипломатия как она есть и какой она должна быть». Цюрих 1917 г.). Его работа соответствует приблизительно тенденциям «Vorwärts'а» в этой области или даже тенденциям «Berliner Tageblatt», которая ведь обыкновенно опережает «Vorwärts» на длину воробьиного носа.

(um einige Nasenlängen). Господин Шлибен признает, что с немецкой дипломатией нельзя создать государства, но недалеко можно уйти и с его предложениями «парламентаризировать» ее. Они послужили бы лишь к тому, что несколько оживили бы зарубежную деятельность дипломатии, но зато тем более дискредитировали бы парламент. Господин Шлибен требует создания комиссии рейхстага в составе около двадцати членов, которая должна постоянно контролировать внешнюю политику империи. Но, во-первых, эта комиссия должна иметь лишь совещательный голос, и, во-вторых, ее заседания должны быть закрытыми, если этого потребует правительство. Другими словами, у нее связаны руки и отрезаны ноги. Она может бесспльно разговаривать с правительством, но перед своими избирателями она вынуждена бесспльно молчать. Господин Шлибен хочет в первую очередь добиться именно того, что должно быть в первую очередь устранено: самовольного шептания и перемигивания дипломатии за кулисами. Было бы удивительно, если бы господин Михаэлис не согласился на такую «парламентаризацию» дипломатии.

Все эти ухищрения не помогут делу; может помочь лишь то, что было уже высказано во вступительном обращении первого Интернационала; долг «рабочих классов овладеть тайнами международной государственной деятельности, контролировать дипломатические шаги своих правительств, в случае нужды противодействовать им всеми находящимися в их распоряжении средствами, и, когда нет возможности воспрепятствовать авантюре, объединяться в своевременном публичном протесте и напоминать о простых законах права и нравственности, которые должны регулировать в равной мере и отношения отдельных лиц, и высшие законы международных отношений».

Требование времени.

(26 сентября 1917 г.)

Моммзен рассказывает в своей «Римской истории» о племени япигов, обитавшем в доисторические времена на Калабрийском полуострове, на крайнем юго-востоке Италии. От этого племени остались довольно многочисленные надписи на свое-

образном языке; однако, эти надписи не расшифрованы, и едва ли можно надеяться, что это когда-либо удастся. Моммзен приводит в качестве образца этого языка, разгадать который оказалось невозможным даже его проницательности, слова: Dazihonas platorrihi bottihi.

Жаль, что Моммзен не дожил до дней немецкого правительственного социализма! «Vorwärts» тотчас разъяснил бы ученому археологу: «Пустяки, старик! Слова Dazihonas platorrihi bottihi означают: Ответ германского правительства на мирное обращение папы есть не только предохранительная маска, предотвращающая поражение милитаристического духа, но именно само это поражение. Рейхстаг раздавил этот дух своей резолюцией о мире. Рейхстагу достаточно только высказать то, что есть. Германия не страна из восточной сказки, где рейхстаг не мог бы высказывать всё. Итак, правительственный социализм ведет нас к счастливым временам».

Мы не обидим «Vorwärts», приписывая ему эту расправу с Моммзеном. Ибо пока приведенный образец языка япигов вообще не истолкован недопускающим сомнений образом, нельзя с абсолютной уверенностью оспаривать возможность пророческого прозрения будущего у племени япигов; но зато абсолютно недопустимым, по крайней мере для всякого честного и логически мыслящего человека, является то толкование, которое дает «Vorwärts» ответу германского правительства на мирное обращение папы; именно толкование, согласно которому этот ответ представлял собою не предохранительную маску милитаризма, а действительное поражение милитаристического духа. О таком поражении можно было бы говорить в лучшем случае тогда, если бы германское правительство ответило, на поставленное папой требование восстановить Бельгию, ясным и категорическим «да»; ибо всякий ребенок в Европе знает, что восстановление Бельгии есть первая и важнейшая предпосылка мира. Лишь после того как будет вполне обеспечено это и другие требования, обусловливающие вообще длительный мир, лишь тогда может быть речь о каких-либо международных третейских судах и всеобщем разоружении. Итак, когда ответ германского правительства выражает согласие на все эти общие требования мирного обращения папы, но обходит многозначительным молчанием вопрос о восста-

новлении Бельгии, то это попросту означает: Мы охотно примем участие в постройке крыши, но мы не беремся участвовать в сооружении стен, которые только и могут поддерживать крышу. Но другими словами это значит, что милитаристической дух вовсе не думает об отречении, а лишь надевает предохранительную маску.

Нельзя отрицать, что когда милитаризм видит себя вынужденным надеть эту маску, то это уже является с его стороны уступкой требованиям времени, и постольку германский ответ на мирное обращение папы несомненно представляет собою известный прогресс. Однако этот прогресс движется с быстротой австрийского ландвера. Ибо если Бетман-Гольвег уже в ноябре прошлого года выразил согласие на требование об учреждении международных третейских судов, а теперь Михаэлис, в чрезвычайно отчетливой и поэтому двусмысленной форме, соглашается на требование о разоружении, то европейская культура будет давно разрушена до основания, прежде чем германское правительство спустится из туманной сферы платонических пожеланий мира на твердую почву настоящих мирных предложений.

Но, по справедливости, эту черепашью быстроту нельзя приписывать злой воле правительства. Если никого нельзя обязать совершить самоубийство, то нельзя не согласиться, что германское правительство не может быть одушевлено тем стремлением к «миру по соглашению» (Verständigungsfrieden), которое ему приписывают шейдемановцы. Уже признания, сделанные правительством в своем ответе на папскую ноту, являются для него очень тяжким испытанием. В них оно сознаётся, что понадобилась трехлетняя мировая война с её ужасными последствиями для того, чтобы правительство пришло к тому взгляду, от которого оно упорно отворачивалось в течение десяти лет, когда этот взгляд уже поневоле был признан другими великими державами. И если австрийский ответ на папскую ноту восхваляют за его искреннее миролюбие более чем германский ответ, то тем более прискорбно, что в австрийском ультиматуме Сербии не было заметно ни малейшего следа этого миролюбия. Это применимо как к правительствам центральных держав, так и к правительствам их противников. «Мир по соглашению», сколько бы о нем ни болтали, потому невозможен, что он является для всех прави-

тельств признанием того факта, что они все в равной степени отличаются неразумием, которое привело европейскую культуру на край бездонной пропасти.

Мир возможен лишь в том случае, если сами народы создадут его. Правительственны социалисты всех стран совершают позорную измену этому миру народов (Völkerfrieden), делая вид, что требуют невозможного «мира по соглашению» правительств. Их первой заботой должно было бы быть устранение осадного положения, которое заглушает голос массы. И когда «Vorwärts» хвастает направо и налево, будто германский рейхстах всемогущ, и ему достаточно раскрыть рот, чтобы получить парламентарную систему, то мы отвечаем ему: Ваша глупая «парламентаризация» может отправляться ко всем чертям, но если вы так всемогущи, как вы утверждаете, то восстановите хоть ту жалкую свободу печати и собраний, которая существовала в Германии до 4 августа 1914 года. Но по этому поводу «Vorwärts» способен лишь говорить громкие слова, и в этом, в конце-концов, нет ничего удивительного. В своем нынешнем виде «Vorwärts» есть не что иное, как детище осадного положения. А кто осмелился бы требовать от таких возвышенных натур, как Эберт и Шейдеман, безбожного преступления—отцеубийства? Тем с большим основанием можно надеяться, что независимая социалдемократия отдаст должное велению времени к наступающей сессии рейхстага. Не следует переоценивать парламентаризм, и в Германии имеется менее всего поводов для такой переоценки, но, как и в дни закона о социалистах, так и в наши дни, трибуна рейхстага есть последнее убежище свободного слова, которое может творить чудеса, если оно падает на почву, страстно алчущую его.

Рассеянные и фаланга.

(13 октября 1917 г.)

В последнем субботнем номере «Leipziger Volkszeitung» уже доказывается, что блок большинства рейхстага, принявший, так-называемую, резолюцию о мире от 19 июля и, повидимому, гарантирующий заключение общего мира, представляет собою треснувшее изнутри сооружение, день ото дня все более разруша-

ющееся. Как ни последовательно было это доказательство, все же «Liberale Korrespondenz», один из официальных органов или даже единственный официальный орган прогрессивной партии, счел необходимым еще поставить точку над «i» и нанести резолюции о мире такую пощечину, на какую доныне не поднималась рука ни у одного пангерманского нечестивца (Frevler).

Именно, «Liberale Korrespondenz» говорит, что каждый из трех мирных договоров, заключенных Бисмарком после победоносных войн, основан на мире по соглашению. Насколько Бисмарк, в своих договорах с Данией, Австрией и Францией, отнюдь не заключал мира с аннексиями, настолько же мало думали о мире с аннексиями партии, стоявшие за резолюцию рейхстага от 19 июля. «Liberale Korrespondenz» утверждает это от имени одной из партий, составляющих блок большинства. И если она права, то поистине непонятно, почему блок большинства спорит с пангерманистами. Ибо по существу дела пангерманисты требуют не более того, что выполнил Бисмарк в трех упомянутых мирных договорах; здесь в лучшем случае имеет место различие в степени, поскольку аннексионистский пыл пангерманистов доходит до безмерности и безумия, тогда как Бисмарк при «вынужденных территориальных уступках» еще сохранял известное благоразумие и умеренность, по крайней мере в 1864 и даже 1866 годах, и уже в меньшей степени в 1871 году, хотя он и в этом случае оказал некоторое противодействие военной партии, увлеченной аннексионистским пылом.

Всякому школьнику известно, что в 1864 году маленькая Дания согласилась уступить Шлезвиг-Гольштинию лишь после того, как она померилась в непосильной борьбе с двумя великими державами. Всякому школьнику известно, что спор об этой добыче вызвал войну 1866 года, которая так обессилила Австрию и средне-германские государства, что они согласились на аннексию Пруссией Ганновера и проч. Всякому школьнику известно, что мир 1866 года явился зародышем войны 1870—71 г.г., и что Франция уступила Эльзас-Лотарингию лишь после того, как все ее силы были истощены. Удивительно, что «Liberale Korrespondenz» не привела в качестве «мира по соглашению» еще и Тильзитский мир, при заключении которого растроганный

прусский король Фридрих-Вильгельм III бросился в объятия Наполеона, ибо этот последний отнял у него больше половины прусской монархии.

Во всяком случае прогрессивный орган достиг в этом отношении такой высоты, которая уже не может быть превзойдена: резолюция о мире от 19 июля объявлена клочком бумаги, о котором можно лишь пожалеть, что он потрачен при нынешнем бумажном голоде. Блок большинства с каждым днем все более превращается в пеструю раздробленную толпу, так что вспоминаются слова поэта:

Стремглав, как будто ужас перед Богом
Его объял, бросается он в бегство;
За ним, оружье и доспехи побросав,
Бежит все войско с поля битвы.

Однако, на этот раз причиной позорного бегства явилась не избранная Богом дева, как в трагедии Шиллера, а очень нечестивое явление: немецкая отечественная партия, тяжелая индустрия, объединившаяся с юнкерством и милитаризмом и со всеми реакционными элементами, какие только имеются в Германии. Однако, при всем своем нечестии, это настоящая фаланга, под тяжкой поступью которой разлетается во все стороны легковесная мякина, собранная в блок большинства рейхстага. Национал-либералы, которые также слегка кокетничали с блоком большинства, тотчас перебежали со всем скарбом к пангерманской фаланге, а прогрессисты и ультрамонтаны устремляются к ней целыми толпами, ибо инстинкт подсказывает им: что надежно — то надежно, и прибыль есть прибыль!

Но наши славные правительственные социалисты, краса и гордость блока большинства! Как ловко огрызался «Vorwärts», когда «Leipziger Volkszeitung» назвала резолюцию рейхстага о мире «неясной и двусмысленной». А теперь он вынужден выслушивать от пангерманской прессы,—почему он, «Vorwärts», не обращает к «Liberale Korrespondenz» те «дышащие гневом слова», которые он произносил по её адресу. Однако «Vorwärts» прячет голову в песок, по которому бегут рассеянные остатки блока, не забо-

тись о пинках, которые ему достанутся при этом. Но несомненно, несомненно — за зависимыми остается всё же «великое деяние слова»: они намерены интерпеллировать правительство о его отношении к немецкой отечественной партии, и, чтобы достойным образом подготовить «великую интерпелляцию», они согласились даже на восьмидневное исчезновение рейхстага в камер-обскуре своей центральной комиссии.

Читателям, которые хотят уяснить себе сущность правительственного социализма, мы можем лишь посоветовать перечитать то, что говорит в своих ныне всем доступных произведениях Лассаль о безголовой (kopflose) и предательской политике прогрессивной партии его времени. Во времена Лассаля нельзя было развернуть ни одной прогрессивной газеты, не наткнувшись на заявление, что когда правительство лишит партию юнкеров своей поддержки, то после этого количества депутатов, которых этой партии удастся провести в ландтаг, не хватит даже для того, чтобы заполнить одни извозчичьи дрожки. При тогдашнем уровне исторических познаний подобное предположение было по крайней мере понятно, при всей своей нелепости. Но когда в наши дни шейдемановцы воображают, будто господин Михаэлис может и захочет ради их прекрасных глаз подписать отставку общественным силам, стоящим за спиною немецкой отечественной партии, то поистине невозможно даже в малейшей степени лестно отозваться об их уме. Господин Михаэлис будет остерегаться, ибо если он сегодня грубо сунет руку в это осиное гнездо, то на следующий день он будет уже конченным человеком. В лучшем случае, то-есть в лучшем случае для зависимых, он ответит на «большую интерпелляцию» привычными для него двусмысленными словами, в которых правительственные социалисты могут копаться, как римские жрецы во внутренностях жертвенного животного.

Между тем весь вопрос ликвидирован уже тем, что господин Михаэлис уклонился в главной комиссии рейхстага от декларации о целях войны вообще и в частности оставил в своем распоряжении бельгийский вопрос, в качестве предмета торговли (Handelsobject) для той чудодейственной дипломатии, образцам которой, в виде мексиканского господина Циммермана и аргентинского господина Люксбурга, удивляется весь мир. В таких

руках жизненные интересы немецкого отечества так хорошо охраняются, что немецкая отечественная партия вряд ли может желать лучшего, тем более что и пангерманская печать уже возвестила о своем полном удовлетворении военной и мирной политикой имперского канцлера. Тем не менее, при всех мрачных перспективах нельзя упускать из вида, что распадение блока большинства и скоротечная чахотка правительственного социализма представляют собою шаг вперед. Этот шаг следует приветствовать, ибо он устраняет с пути всякого рода ненужные преграды и ставит рабочий класс перед старым изречением: «Hic Rhodus, hic salta!» Ибо только рабочий класс, когда он вновь проникнется сознанием своих старых принципов и своей былой мощи, будет в состоянии образовать тот вал, о который должна разбиться и разобьется фаланга юнкеров и крупных промышленников.

Трагедия или неразумие?

(10 декабря 1917 г.)

В своем номере 293 от 17-го текущего месяца «Leipziger Volkszeitung» печатает не без оговорки статью А. Штейна, содержащую резкие обвинения по адресу политики большевиков. Нельзя и не следует отрицать, что эта статья есть отголосок той сильной тревоги, которую возбудила и постоянно вновь возбуждает тактика Ленина и Троцкого в кругах независимой социал-демократии. Равным образом нельзя и не следует пытаться рассеять все сомнения, которые в этом отношении возникли: для этого у нас недостает фактического материала. Сама «Leipziger Volkszeitung» с своей стороны также упомянула в сопроводительном примечании редакции к статье А. Штейна о «весьма недостаточных сведениях», которыми мы обладаем о русских делах.

К известной осторожности суждения вынуждает уже тот факт, что единственный промах большевиков, о котором мы с немецкой точки зрения можем судить с некоторой уверенностью, свидетельствует скорее об излишней доверчивости, чем о беспощадном терроризме. Мы говорим об их сношениях с шейдемановцами, давших этим бравым патриотам возможность совершить грандиозный обман и вначале возбудивших недоверие к больше-

викам у социал-демократов, верных своим принципам. Однако, и здесь более точная информация привела по существу к оправданию большевиков, как указывает и «Leipziger Volkszeitung» в другом месте того же номера, во главе которого помещена статья А. Штейна.

Что же касается этой статьи, то уже ее заголовок, по нашему мнению, делает слишком большую уступку буржуазному воззрению. С революционным терроризмом издавна боролись при помощи реакционного аргумента, согласно которому демократическая партия, добившаяся власти, начинает с «пощечины принципам демократии». Этот несколько дешевый способ доказательства легко можно было бы предоставить буржуазным противникам. Если попытаться выразить проблему большевиков в данный момент в краткой формуле, то не будет ли она гласить не «Демократия или диктатура», а «Трагедия или неразумие»? Другими словами это означает: потеряли ли рассудок Ленин и Троцкий, являвшиеся в течение долгих лет или даже десятилетий мужественными и сознательными передовыми борцами пролетариата, или же они, именно благодаря своей собственной революционной энергии и революционной энергии своих приверженцев, попали в трагическое положение, вынуждающее их совершать или упускать то, чего они не совершили или не упустили бы, если бы были свободны в своих решениях? А. Штейн приводит одно заявление Лозовского, в котором буквально говорится, что Ленин и Троцкий действовали «против всякого здравого смысла» и в качестве марксистов не хотели считаться с объективными условиями, которые повелевали им перед лицом грозящей катастрофы немедленно прекратить борьбу в рядах революционной демократии для совместной борьбы с контр-революцией. Но марксисты вспомнят, что подобные же упреки при таком же положении направлялись уже против самого Маркса. В 1848 году Маркс и Энгельс стояли во главе наиболее революционной партии в стране еще земледельческой по преимуществу, причем победа этой партии была связана с развитой крупной промышленностью и массой современного пролетариата, как необходимыми предпосылками. Но Маркс и Энгельс оставались глухи ко всем требованиям слияния с другими демократическими или социалистическими партиями для борьбы с общим врагом, и хотя им не

пришлось достигнуть власти, они все же—всякий номер «Neue Rheinische Zeitung» доказывает это—на случай своей победы «имели в виду лишь *одно* средство сократить, облегчить, сконцентрировать предсмертные муки старого общества и родовые муки нового общества, лишь одно средство — революционный терроризм».

Разве они поэтому «не умели считаться с объективными условиями», употребляя оборот речи, обладающий сомнительным привкусом чисто буржуазной фразеологии? Отнюдь нет: они знали только, что революцию нельзя «рассчитывать» с такой простотой и удобством, как дважды два. Когда они в начале пятидесятых годов ожидали нового пробуждения революции, Энгельс писал Вейдемейеру:

«На практике нам всегда придется прибегать прежде всего к решительным мерам и абсолютной беспощадности. И в этом вся беда. Мне представляется, как наша партия, благодаря беспомощности и слабости всех других, в один прекрасный день будет вынуждена взять в свои руки власть и в конце-концов все же проводить в жизнь то, что не в наших, а в общереволюционных и специально в мелкобуржуазных интересах; причем, под давлением пролетарской массы (Populus), увлекаемая собственными, более или менее ложно истолкованными, более или менее страстно выдвигаемыми на первый план, в борьбе текущего момента, печатными суждениями и планами, партия будет вынуждена проделывать коммунистические эксперименты и прыжки, о которых заранее прекрасно известно, насколько они несвоевременны. При этом неизбежно теряют голову—надо надеяться, только в буквальном смысле—наступает реакция; и пока мир будет в состоянии произнести исторический приговор о подобном явлении, прослывешь не только зверем, что довольно безразлично, но еще bête (глупцом), а это много хуже».

Мы не должны упускать из виду этой точки зрения, когда мы—при недостаточной осведомленности о положении вещей—судим о действиях большевиков, которые представляются нам неправильными, несвоевременными и даже роковыми, а может и действительно являются таковыми. Возможно, что их победа есть лишь кульминационный пункт трагедии. Несомненно, что их революционная борьба не завершится насмешками филистеров.

Немецкая бюрократия.

(22 декабря 1917 г.)

На-ряду с мирными переговорами в Брест-Литовске всеобщее внимание привлекают живейшим образом в эти «веселые славные рождественские дни»—вопросы продовольствия.

Знаменательной в этом отношении является статья господина Герлаха в журн. «Die Welt am Montag», в которой убедительно доказывается, что полнейшая нелепость военной продовольственной политики должна быть дополнена «общими усилиями» для того, чтобы обеспечить народным массам скудное питание. Господин Герлах спрашивает, неужели нет никакого исхода из этого бедственного положения, длящегося уже годами, и приходится ли терпеливо примириться с этим ужасным положением, с чувством безнадежной покорности? Если бы мы просто продолжали прозябать как доныне, то мы погружались бы все глубже в пучину физического истощения и нравственной распущенности.

Господин Герлах нашел выход. Он полагает, что из всех людей, выдвигавшихся доныне на ответственный пост по продовольственной политике, ни один не умел завоевать столько доверия, как господин Михаэлис. Поэтому пусть он будет поставлен во главе министерства продовольствия военного времени—с диктаторскими полномочиями, тем более, что он к счастью уже не является имперским канцлером. Подобная продовольственная диктатура возможна-де лишь при том условии, если она будет носить военный характер. Но ведь господин Михаэлис — не то майор, не то подполковник; пусть же его назначат военным начальником всего продовольственного дела, пусть ему предоставят власть над всеми административными органами империи и отдельных государств. Другого исхода господин Герлах не видит.

Как осторожный человек, достигший в прусской бюрократии чина асессора или даже—если не ошибаемся—заместителя члена земского суда, господин Герлах благоразумно остерегается утверждать, что предлагаемый им эксперимент должен быть удачным. Он ограничивается надеждой, что эксперимент *может* быть

удачным. Но при всей своей скромности он все еще слишком доверчив. Допустим, что господин Михаэлис оправдает те ожидания, которые возлагает на него господин Герлах, и окажется на посту продовольственного диктатора именно таким, каким он не мог зарекомендовать себя в качестве имперского канцлера; простым результатом этого факта было бы лишь то, что он должен был бы уйти с поста продовольственного диктатора еще поспешнее, чем он ушел с поста имперского канцлера. Такой знаток прусской бюрократии, как господин Герлах, не должен бы предаваться иллюзиям в этом отношении.

Прусская бюрократия—являющаяся в большей или меньшей степени оплотом и образцом немецкой бюрократии—была с испокон веков «поставлена на военную ногу». Она возникла около двухсот лет тому назад в теснейшей близости с прусским милитаризмом, в качестве его органа по рекрутской, инспекторской, финансовой, административной части. Первый воспитатель прусской армии, король Фридрих-Вильгельм I, создал вместе с тем и прусскую бюрократию, именно по следующим принципам, которые он формулировал в 1714 году: «Надлежит служить монарху телом и душою, всем имуществом, честью и совестью и предоставлять ему все, кроме вечного блаженства. Только оно принадлежит Богу, а все остальное должно быть моим. Они должны плясать под мою дудку, иначе—чорт меня возьми, если я не стану вешать и поджаривать их по примеру царя и трактовать их как бунтовщиков». Эти слова—великая хартия, конституционная хартия прусской бюрократии, и эта конституция во всяком случае выгодно отличается от конституции прусского королевства тем, что она сохранилась во всей своей красе в течение двух столетий.

Немедленно завладев армией, бранденбургское юнкерство точно так же завладело и бюрократией; этому движению не сочувствовал Фридрих-Вильгельм I, но его сын, так-называемый «великий» Фридрих, даже поощрял его. Однако, и в армии, и тем более в бюрократии совершенно необразованные юнкеры не могли обойтись без буржуазной интеллигенции, а в прусской бюрократии несомненно были люди, считавшие целью своей деятельности защиту общенародных интересов. Только это всегда кончалось для них довольно плачевно!

Когда «великий» Фридрих после семилетней войны, жесточайшим образом опустошившей прусские провинции, ввел французскую налоговую систему (Régie), угрожавшую отнять у изголодавшегося населения последний кусок хлеба, то тайный советник Урсинус составил всеподданнейший доклад, в котором обращал внимание короля на роковые последствия его плана; Урсинус умел также так убедительно обрисовать министрам-дворянам нужду, царившую в стране, что все они подписали записку. Король ответил на нее приказом (Kabinettsorder), в котором оправдывал министров-дворян их «невежеством», но примерно наказал «сочинителя» за его «злонамеренность»; «иначе я никогда не приведу каналий к субординации». Урсинус был отрешен от должности и заключен на год в крепость. Господину Герлаху должны быть известны десятки подобных случаев.

Именно самые прославленные прусские министры никогда не обманывались в том, что касается беспомощности и бессилия прусской бюрократии. Барон Штейн не мог найти слов для порицания «чинуш» (Bureaulisten), которые ежемесячно получали из казны свое содержание и писали, писали, писали, не взирая на то, шел ли дождь или светило солнце.

Бисмарк еще грубее поносил ту смесь глупости и злобы, из которой состоят тайные советники. Но удачнее всего охарактеризовал подлинную сущность этого явления Франц Циглер, видный представитель прусской бюрократии, которому пришлось, подобно Урсинусу, закончить свою похвальную административную деятельность заключением в крепости; Циглер писал в 1864 году: «Надо быть, как я, вышколенным бюрократом, чтобы хорошо знать, что за грандиозное, чудесное сооружение представляет собою прусское государство, до которого далеко самому Bas empire (восточноримскому государству византийских императоров). Нет ничего более утонченного, чем тот метод, при помощи которого прусское государство подготовляет своих чиновников и ломает посредством достойной удивления дрессировки все их умственные и моральные ребра прежде, чем они созреют».

Надо ли удивляться, что получившая такое вековое воспитание бюрократия лишена всякой инициативы, всякой гибкости, всякой предусмотрительности? Скорее надо было бы удивляться, если бы дело обстояло иначе. Бюрократия проявляет после вели-

ких побед такую же бездарность, как и после иенского разгрома. Штейн и прусская песня совершенно правильно заявляют: и в черный, и в солнечный день бюрократы с мрачным самодовольством бездарности отвечают словами хора из «Мессинской невесты»: мы повинуемся, но мы стоим на месте. Это положение не изменится до тех пор, пока «грандиозное, чудесное сооружение» старо-прусского государства не будет снесено до последнего камня; и надо надеяться, что массы поймут наконец эту простую зависимость после того, как они в течение мировой войны жесточайшим образом ощутили ее на своих собственных желудках.

Новый 1918 год.

(31 декабря 1917 г.)

Какое счастье, что будущее скрыто от человеческого взора Если бы в начале только что истекшего года можно было предвидеть, что в конце его начнутся серьезные переговоры о мире, то какими радужными надеждами обманывало бы себя страждущее человечество в течение минувших двенадцати месяцев, чтобы сегодня впасть в жесточайшее разочарование! Ибо все мы знаем, что мирные переговоры в Брест-Литовске не приведут к всеобщему миру народов, а приведут только—и то лишь в том случае, если они увенчаются успехом — к новому и быть может еще более ужасному периоду мировой войны.

Такие же мрачные перспективы тревожили патриарха немецкой философии, когда в 1795 году старо-прусское государство заключило базельский мир с французской революцией. Кант написал тогда свой «Философский проект к вечному миру», и во главе гарантий, которых он требовал для длительного мира, поставил — даже перед запрещением постоянных армий и военных займов — требование, согласно которому ни один мирный договор не должен считаться действительным, если он заключен с тайным сохранением повода к будущей войне. Кант вообще не хотел признать базельский мир действительным миром, и хотя он не дожил до подтверждения правильности этого взгляда, но после того как старо-прусское государство в течение десяти лет

тешилось пустой надеждой, что оно раз-навсегда покончило в Базеле с французской революцией, ему пришлось в конце-концов пережить горькое отрезвление.

Так как история никогда не повторяется, то была бы тщетной попытка провести полную параллель между миром, заключенным в Базеле старо-прусским государством с французской республикой, и миром, который готово заключить в Брест-Литовске ново-прусское государство с русской революцией. Воспоминание о Базеле пригодно лишь для того, чтобы охладить заносчивость одних, которые воображают, будто сепаратный мир навсегда обеспечит центральную Европу от влияния русского переворота, а также рассеять малодушие других, которые лелеют надежду, что, заключая сепаратный мир, русская революция совершает самоубийство.

Заносчивость одних столь же беспочвенна, как и малодушие других. Революции живут долго, если они — настоящие революции; английской революции семнадцатого века и французской революции восемнадцатого века понадобилось лет по сорок, чтобы изжить себя; а какими, можно сказать, почти ничтожными кажутся задачи, стоявшие перед английской и даже французской революцией, по сравнению с теми необъятными проблемами, с которыми должна меряться силами русская революция. Для нее нет отступления, а только наступление; и после того как одного или двух лет или десятилетий оказалось достаточно для того, чтобы довести до белого каления народные массы громаднейшего государства, то их горячее дыхание расплавит многие бронзовые твердыни, которые ныне мнят себя незыблемыми. Тогда дипломаты, насмешки которых над беспомощностью русских представителей в Брест-Литовске циркулируют в патриотических кругах, перестанут смеяться, а у филистеров революции, требующих, чтобы их обед был на столе ровно в полдень даже в дни революции, вытянутся физиономии.

С другой стороны, хотя романтики революции не так скучны и толстокожи, но они при всем том слишком охотно пребывают «в воздушном царстве грез». Они воображают, будто в революционные эпохи все совершается возвышенным и безукоризненным путем и будто в эти эпохи человечество отказывается от своего неотчуждаемого человеческого права делать глупости; поэтому

романтики слишком склонны складывать оружие (die Flinte ins Korn werfen), если революционеры не всегда ведут себя так благоразумно, как семь греческих мудрецов. Несомненно достойно сожаления, если русская революция заявляет о своей готовности заключить сепаратный мир с центральными державами, вместо того, чтобы держаться своей первоначальной программы всеобщего и демократического мира, который благодаря сепаратному миру будет отодвинут в неопределенную даль; но она ли или одна ли она ответственна за это? Разве она не заявила в своих торжественных призывах к массам воюющих народов, что она одна не может осуществить всеобщий и демократический мир, и если ее призыв о помощи не встретил отклика, то должна ли она отныне решиться беспомощно потонуть в море крови? Романтик революции, быть может, ответит: да. Но в таком случае он требует от русской революции сверхчеловеческого подвига, которого не совершила еще ни одна революция. Правда, армии французской революции наводнили европейский материк с кличем: война дворцам и мир хижинам; они заявляли, что приносят в дар соседним народам свободу, равенство и братство; но в конце-концов они сражались только за голову и жизнь своей собственной революции, и базельский мир был менее всего образцом революционного самопожертвования и бескорыстия. Русская революция, может быть, расплатится за ошибки, допущенные при сепаратном мире с центральными державами, но она не погибнет от него. Как ни жестоко, быть может, разочарование, которое она готовит жаждущему примирения миру, тем не менее мы не в праве терять мужества и отчаиваться в ее будущем, которое есть вместе с тем и наше будущее.

Поэтому было бы неосновательно переступать порог нового года с мрачными мыслями, хотя уже одно продление ужасной мировой войны заставляет сжиматься всякое чуткое человеческое сердце. Русская революция дала сигнал к лучшему будущему, и чем больше препятствий будет нагромождаться нам на пути к этому будущему, тем более надлежит не пугаться их и тем более следует напрячь силы для того, чтобы их преодолеть.

Верному своим принципам социалисту ясен тот путь, которым ему предстоит итти, и всякому разочарованию он противопоставит задорные слова: наперекор всему!

О милитаризме.

(14 января 1918 г.)

Всеобщее разочарование, встретившее декларацию 28 декабря, без сомнения, делает честь патриотической доверчивости разочарованных, но оно не столь лестно для их политической проницательности. Как только они могли воображать, что германское правительство открыто и искренно, в практических мероприятиях, станет на точку зрения демократического мира? Какой факт немецкого прошлого дал им хотя бы малейшее основание для этой надежды?

Быть может, нам ответят: правда, фактов нет, но есть слова, например, произнесенные три дня тому назад графом Черниным также и от имени германского правительства. Да слова! «Словами так легко противника сразить, систему целую из слов соорудить». Даже «демократическую» систему, от которой могут притти в дикий восторг правительственные социалисты. Этим мы далеко не хотим сказать, что правительство действует подобно лошадиному барышнику. При произнесении слов, все дело заключается именно в том, что подразумевает под ними говорящий; «как я их понимаю», сказал бывший имперский канцлер Михаэлис, который этим крылатым словом по крайней мере обеспечил себе местечко в немецкой истории.

Если партии большинства, с шейдемановцами во главе, воображают, будто они «демократизировали» и «парламентаризировали» Германию, и, опьяненные своей благородной фантазией, исполняют все желания правительства, то должно ли правительство рассеять эти—столь выгодные и столь сладкие для грезящих—сны грубым заявлением: дети, не обманывайтесь; ведь мы все те же! Это была бы такая ригористическая любовь к истине, какой даже сам Кант не ожидал от человеческой греховности. Для категорического императива кенигсбергского старца было бы уже достаточно, если бы правительство заявило мечтателям: Ну, ладно, если вы хотите так называть, то мы не спорим.

В этой книге «демократизация» и «парламентаризация» всегда трактуются как вещи, не стоящие ни полушки. Какая же, в самом деле, разница между Гертлингом, Михаэлисом и Бетманом?

Разве только та, что один несколько более ловок на словах, чем другой. Но по существу дела между ними нельзя найти никакой разницы даже под микроскопом. Сегодня они говорят «да», завтра говорят «нет», а послезавтра они докажут, что их «нет» собственно означало «да». И верующие не перестают верить. О буржуазных партиях мы не считаем нужным даже и говорить; ведь они, и в особенности либералы, живут самообманами. Но если правительственные социалисты, когда-либо все же хотя бы заглядывавшие в своего Маркса, серьезно воображают, будто большая военная держава с вековыми традициями в одно мгновение ока может быть перекроена двумя-тремя двусмысленными резолюциями бессильного рейхстага, то это равносильно значительному расширению границ человеческой глупости.

Еще никогда, с тех пор как стоит мир, военное государство, после успешной или хотя бы не совсем безуспешной войны, не отказывалось добровольно от приобретений, которые оно могло сделать при данных условиях или хотя бы имело надежду сделать. Было бы бессмысленно обвинять его за это, ибо никто не может поступать вопреки своей природе. Большая военная держава, пролившая потоки народной крови в продолжительной войне, не может, в качестве единственного вознаграждения за свои усилия, удовлетвориться отрадным сознанием, что она добилась прочного мира на демократической основе, то-есть международного права, делающего навсегда невозможным существование именно подобных военных держав. Даже простое стремление обессмертить себя собственным благородством не входит в круг понятий милитаризма; он так же мало понимает такое стремление, как и всякий, кто очутился бы в его шкуре; в самом деле, кто стал бы проливать потоки крови и пота только для того, чтобы обеспечить себе неизбежность самоубийства?

Итак, бесцельно оплакивать декларацию 28 декабря. Она высказывает то, что существует. Это похвальное свойство столь же мало отличает прекрасные речи графа Гертлинга, как и прежние успокоительные речи господ Бетмана и Михаэлиса. Правда, воля немецких народных масс решительно противится декларации 28 декабря; этого факта не изменят никакие инсценировки отечественной партии и ей подобных. Но вопрос в том, удастся ли создать из этой воли противовес, который мог бы обуздать аппетиты

военного государства. Обязанность решить эту задачу лежит прежде всего на германском рейхстаге; однако, эта почтенная корпорация уже давно привыкла ограничиваться скромной ролью: скрываться дома на печи, как только начинается кидание последних костей, решающих судьбы нации. Правда, правительственные социалисты с своей стороны совершили деяние, направленное против декларации 28 декабря, «великий подвиг слов», причем (по прославленному примеру их покровителей из состава правительства) все дело в том, как понимать эти слова. Как и все партии, попавшие в тупик, из которого нет выхода, они учредили в качестве последнего прибежища фабрику резолюций, из которой они выпускают в свет свои «аннулирующие» декларации. Но военное государство не пугается, когда его пленники бряцают своими цепями, и даже стыдливые запоздалые угрозы, до которых возвышаются шейдемановцы, так же мало поколеблют его, как не может поколебать гранитную башню толпа детей, угрожающих забросать ее ракушками.

Итак, современное положение представляется довольно печальным. Но тем не менее: верный своим принципам социализм никогда не должен и не может отчаиваться; его дело было бы проиграно лишь в том случае, если бы он сам сложил оружие.

Его неотъемлемый наследственный удел—не робеть даже среди грохота кораблекрушения. Подобно тому как умирающий Сен-Симон утешал горсть своих учеников: для совершения великих деяний надо проникнуться воодушевлением; подобно тому как умирающий Родбертус, в тот момент, когда его надежды на политику социальных реформ были разбиты алчностью господствующих классов, тем не менее видел будущее в поразительно розовом свете,—так и мы видим сквозь ночные грозовые тучи занимающуюся утреннюю зарю нового дня. И мы не лежим на смертном одре, а полны жизненных сил.

Библиотека

Цена 30 коп.